

ПОСЛАНИЕ ИАКОВА

Введение к посланию Иакова

Послание Иакова лишь после упорной борьбы было включено в Новый Завет. Но даже после того как его причислили к Священному Писанию, на него смотрели с подозрением и сдержанностью. Еще в шестнадцатом столетии Мартин Лютер охотно исключил бы его из Нового Завета.

Сомнения отцов церкви

В писаниях отцов Церкви Послание Иакова встречается лишь в начале четвертого столетия. Первым собранием книг Нового Завета был Мураториев канон, относящийся приблизительно к 170 году, и Послание Иакова не было включено в него. Учитель Церкви Тертуллиан, писавший в середине третьего столетия, очень часто цитирует Писание, и в том числе 7258 раз - Новый Завет, но при этом ни одного раза Послание Иакова. Послание Иакова упоминается впервые в латинском манускрипте: который носит название Кодекс Корбейенсис и датируется приблизительно 350 г.; оно приписывалось Иакову, сыну Зеведееву, и было включено не в число общепризнанных книг Нового Завета, а в собрание богословских трактатов, написанных отцами раннехристианской Церкви. Таким образом, Послание Иакова было принято, однако, с определенными оговорками. Дословно цитату из Послания Иакова впервые привел Иллариус из Пуатье в трактате под названием "О Троице", написанном около 357 года.

Но если Послание Иакова стало так поздно известно в Церкви, а его признание было связано с оговорками, как же оно было тогда включено в Новый Завет? Большое значение в этом принадлежит Иерониму, одному из выдающихся учителей Церкви (330-419 гг.), который без малейшего колебания включил Послание Иакова в проверенный отредактированный им перевод Библии, получивший название Вульгата. Но у него были некоторые сомнения. В своей книге "О знаменитых мужах" Иероним писал: "Иаков, которого называют братом Господа, написал только одно послание - одно из семи соборных посланий, о котором некоторые люди говорят, что его написал кто-то другой и приписал Иакову". Иероним полностью признавал это послание как составную часть Священного Писания, но он понимал, что существуют определенные сомнения относительно того, кто был его автором. Все сомнения были окончательно рассеяны, когда Августин полностью признал Послание Иакова, несколько не сомневаясь в том, что этот Иаков был братом Господа нашего.

Послание Иакова было довольно поздно признано в Церкви: в течение долгого времени оно стояло под знаком вопроса, но включение его Иеронимом в Вульгату и признание его Августином обеспечили ему, после некоторой борьбы, полное признание.

Сирийская церковь

Можно предположить, что сирийская церковь должна была одной из первых принять Послание Иакова, если оно действительно было написано в Палестине и действительно вышло из-под пера брата нашего Господа, но в сирийской церкви существовали те же сомнения и колебания. Официальный сирийский перевод Нового Завета, которого придерживается сирийская церковь, носит название *Пешиито* и занимает в сирийской церкви такое же место, какое занимает в римско-католической церкви *Вульгата*. Этот перевод был выполнен в 412 г. Рабуллой, епископом Едесским, и тогда же впервые было переведено на сирийский язык Послание Иакова; до этого времени не существовало его перевода на сирийском языке, а до 451 г. это послание ни разу не упоминается в сирийской богословской литературе. Но с этого времени оно получило широкое признание, и все же еще в 545 г. Павел Нисибисский оспаривал его право быть включенным в Новый Завет. Только в середине

восьмого столетия авторитет Иоанна Дамаскина содействовал признанию Послания Иакова в сирийской церкви с такой же силой, с какой авторитет Августина повлиял на всю церковь.

Грекоязычная церковь

Хотя в грекоязычной церкви Послание Иакова появилось раньше, чем в других церквях, но и в ней оно со временем заняло определенное место.

Впервые его упоминает Ориген, глава Александрийской школы. Где-то в середине третьего столетия он писал: "Вера, если и зовется верой, но не имеет дел, мертва сама по себе, как читаем мы в послании, которое ныне называется Иаковлевым". В других богословских трактатах он, правда, приводит эту цитату уже совершенно уверенный в том, что она принадлежит Иакову и дает понять, что он верит в то, что Иаков был братом нашего Господа; хотя и здесь остается оттенок сомнения.

Крупный богослов и епископ из Кесарии Палестинской Евсевий прослеживает и анализирует различные книги Нового Завета и книги, связанные с Новым Заветом, написанные до середины четвертого столетия. Он относит Послание Иакова к "спорным" и пишет о нем так: "Первое из посланий, называемых вселенскими, соборными, говорят, принадлежит ему (Иакову); но следует отметить, что некоторые считают его поддельным и, действительно, лишь очень немногие авторы упоминают его". И здесь вновь проскальзывает сомнение.

Поворотным пунктом в грекоязычной церкви был 267 г., когда епископ Александрийский Афанасий написал свое известное Пасхальное послание в Египте. Оно должно было дать людям руководство, какие книги считать Священным Писанием, а какие нет, потому что стали читать слишком много книг, или по крайней мере, слишком многие книги стали причислять к Священному Писанию. В этом послании епископа Афанасия, послание Иакова было включено в канон без всяких дополнительных комментариев и с тех пор оно заняло прочное место в каноне.

Таким образом, в ранней Церкви никогда не ставили под сомнение значение и важность самого Послания Иакова, тем не менее, оно стало известно довольно поздно и в течение определенного времени оспаривалось его право занять место среди книг Нового Завета.

Послание Иакова все еще занимает особое положение в римско-католической церкви. В 1546 г. Тридентский собор окончательно, раз и навсегда установил состав римско-католической Библии. Был составлен список книг, к которым ничего нельзя было добавить. Из этого списка также нельзя было ничего изъять. Книги Библии должны были подаваться только в изложении, называемом Вульгата. Все книги были разделены на две группы: протоканонические, то есть неоспоримые с самого начала, и девероканонические, то есть такие, которые лишь постепенно проложили себе путь в Новый Завет. Хотя римско-католическая церковь никогда не подвергала сомнению Послание Иакова, оно, тем не менее, было включено во вторую группу.

Лютер и послание Иакова

Сегодня также можно сказать, что многие не относят Послание Иакова к наиболее важным в Новом Завете. Лишь немногие поставят его наравне с Евангелиями от Иоанна и от Луки или Посланиями к Римлянам и к Галатам. Многие и сегодня еще относятся к нему сдержанно. Почему? Это конечно не связано с сомнениями, высказывавшимися относительно Послания Иакова в раннехристианской Церкви, потому что многие в современной Церкви вообще не имеют представления об истории Нового Завета в то далекое время. Причина заключается в следующем: римско-католическая церковь определила свое отношение к Посланию Иакова эдиктом Тридентского Собора, но в протестантской церкви сомнения относительно его истории сохранились и, в сущности, даже усилились, потому что Мартин Лютер выступил против него и даже предпочел бы вовсе убрать его из Нового Завета. К

своему изданию немецкого Нового Завета Лютер приложил лист с содержанием, в котором все книги были пронумерованы. В конце этого списка была приведена, отдельно от других, маленькая группа книг без указания номеров. В эту группу входили Послания Иакова и Иуды, Послание к Евреям и Откровение. Эти книги Лютер посчитал второстепенными.

Особенно резко нападал Лютер на Послание Иакова, а неблагоприятное мнение великого человека может навсегда погубить книгу. Знаменитое суждение Лютера о послании находим в последнем абзаце его "Предисловия к Новому Завету":

"Таким образом, Евангелия и Первое послание Иоанна, Послания Павла, особенно к Римлянам, Галатам и Коринфянам, и Первое послание Петра - вот те книги, которые показывают вам Христа. Они учат всему тому, что вам нужно знать для вашего спасения, даже если бы вы никогда и не увидели ни одной другой книги или не услышали о них, или даже не слышали никакого иного учения. По сравнению с ними Послание Иакова - это послание, полное соломин, потому что в нем нет ничего церковного. Но более подробно об этом в других предисловиях".

Лютер развил свою оценку в "Предисловии к Посланиям Иакова и Иуды", как он и обещал. Он начинает так: "Я высоко ценю Послание Иакова и считаю его полезным, хотя его и не принимали сначала. Оно посвящено закону Божьему и не содержит изложения и толкования человеческих учений. Что касается моего собственного мнения, то, безотносительно к чьим-либо предассудкам, я не считаю, что оно вышло из-под пера апостола". И он так обосновывает свой отказ.

Во-первых, в противоположность Павлу и всей остальной Библии, в Послании приписывается искупительное свойство человеческим деяниям и свершениям, неправильно приводится в пример Авраам, который якобы, искупил свои грехи своими деяниями. Уже это само по себе доказывает, что послание не могло выйти из-под пера апостола.

Во-вторых, в нем нет ни одного указания или напоминания христианам о том, что они должны помнить о страданиях, Воскресении или Духе Христовом. О Христе в нем говорится всего два раза.

Потом Лютер излагает свои принципы оценки вообще всякой книги: "Подлинное мерило для оценки всякой книги заключается в том, чтобы установить, подчеркивает она выдающееся положение, которое занимает в истории человечества Христос или нет... То, что не проповедует Христа - это не от апостолов, даже если это проповедовали Петр или Павел. И напротив, все, что проповедует Христа - это апостольское, даже если это делают Иуда, Анна, Пилат или Ирод".

А такого испытания Послание Иакова не выдерживает. И потому Лютер продолжает: "Послание Иакова толкает вас лишь к закону и свершениям. Он настолько смешивает одно с другим, что, я предполагаю, один добродетельный и набожный человек собрал несколько высказываний учеников апостолов и записал их, а, может быть, послание написал кто-нибудь еще, записав чью-то проповедь. Он называет закон законом свободы (*Иак. 1,25; 2,12*), в то время как Павел называет его законом рабства, гнева, смерти и греха (*Гал. 3,23 и далее; Рим. 4,15; 7,10 и далее*)".

Таким образом, Лютер делает свой вывод: "Иаков хочет предостеречь тех, которые полагаются на веру и не переходят к действиям и свершениям, но у него нет надлежащих для такой задачи ни вдохновения, ни мыслей, ни красноречия. Он совершает насилие над Священным Писанием и противоречит, тем самым, Павлу и всему Священному Писанию; он пытается достичь законом того, чего апостолы добиваются, проповедуя людям любовь. И поэтому я отказываюсь признать за ним место среди авторов подлинного канона моей Библии; но я не буду настаивать, если кто-нибудь поместит его туда, или поднимет его еще выше, потому что в послании много прекрасных мест. В мировых глазах один человек в счет не идет; разве можно принимать во внимание этого одинокого автора на фоне Павла и всей

остальной Библии?"

Лютер не щадит Послание Иакова. Но, изучив эту книгу, мы, может быть, сделаем вывод, что на этот раз он позволил личным предубеждениям нарушить здравый смысл.

Вот такой сложной была история Послания Иакова. А теперь рассмотрим связанные с ним вопросы авторства и датировки.

Личность Иакова

Автор этого послания, собственно, ничего не говорит нам о себе. Он называет себя просто: "Иаков, раб Божий и Господа Иисуса Христа" (*Иак. 1,1*). Кто же он тогда? В Новом Завете пять человек с этим именем.

1. Иаков - отец одного из двенадцати, по имени Иуда, но не Искарот (*Лук. 6,16*). Он приведен лишь для обозначения кого-то другого и не может иметь никакого отношения к посланию.

2. Иаков, сын Алфеев, один из двенадцати (*Мар. 10,3; Мат. 3,18; Лук. 6,15; Деян. 1,13*). Сопоставление *Мат. 9,9* и *Мар. 2,14* показывает, что Матфей и Левий - одно и то же лицо. Левий тоже был сыном Алфеевым и, следовательно, братом Иакова. Но об Иакове, сыне Алфеевом, больше ничего не известно и потому он тоже не мог иметь никакого отношения к посланию.

3. Иаков, по прозвищу "меньший", упомянутый в *Мар. 15,40; (ср. Мат. 27,56 и Иоан. 19,25)*. О нем опять же ничего больше не известно и он, следовательно, не мог иметь никакого отношения к посланию.

4. Иаков - брат Иоанна и сын Зеведеев, один из двенадцати (*Мар. 10,2; Мат. 3,17; Лук. 6,14; Деян. 1,13*). В Евангелиях Иаков никогда не упоминается самостоятельно, без брата Иоанна (*Мат. 4,21; 17,1; Мар. 1,19.29; 5,37; 9,2; 10,35.41; 13,3; 14,33; Лук. 5,10; 8,51; 9,28.54*). Он был первым мучеником из двенадцати; Ирод Агриппа обезглавил его в 44 г., его связывали с посланием. В латинском Кодексе Корбейенсис, написанном в четвертом столетии, в конце послания было сделано примечание, совершенно определенно приписывавшее авторство Иакову, сыну Зеведееву. Но это авторство было серьезно воспринято лишь в испанской церкви, где вплоть до семнадцатого столетия его считали автором этого послания. Это связано с тем, что Иоанна Компостельского, отца испанской церкви, отождествляли с Иаковом, сыном Зеведеевым, и потому совершенно естественно, что испанская церковь была предрасположена считать своего главу и основателя автором новозаветного послания. Но мученическая смерть Иакова наступила слишком рано, чтобы он мог написать это послание и, кроме того, только Кодекс Корбейенсис связывает его с посланием.

5. Наконец, Иаков, которого называют братом Иисуса. Хотя впервые его имя стал связывать с посланием лишь Ориген в первой половине третьего столетия, традиционно это послание приписывалось именно ему. Как уже упоминалось, в 1546 г. Тридентский Собор постановил, что Послание Иакова является каноническим и написано апостолом.

Рассмотрим все, что сказано об этом Иакове. Из Нового Завета мы узнаем, что он был одним из братьев Иисуса (*Мар. 6,3; Мат. 13,55*). Позже мы еще обсудим, в каком смысле следует понимать слово брат. В период проповедования Иисуса Его семья не могла ни понять Его, ни сочувствовать Ему и желала приостановить Его деятельность (*Мат. 12,46-50; Мар. 3,21.31-35; Иоан. 7,3-9*). Иоанн говорит прямо: "ибо и братья Его не веровали в Него" (*Иоан. 7,5*). Таким образом, в период земного проповедования Иисуса Иаков относился к Его противникам.

В книге Деяния святых Апостолов отмечена внезапная и ничем необъяснимая перемена. Уже с первых строк книги автор повествует о том, что мать Иисуса и Его братья были в числе маленькой группы христиан (*Деян. 1,14*). И с этого места становится ясно, что Иаков стал

главою иерусалимской церкви, хотя нет нигде никакого объяснения, как это произошло. Так Петр послал известие о своем избавлении Иакову (*Деян. 12,17*). Иаков председательствовал на совете иерусалимской церкви, одоббившей доступ язычников в христианскую Церковь (*Деян. 15*). И Павел, впервые пришедший в Иерусалим, встретился с Иаковом и Петром; и опять же он обсуждал сферу своей деятельности с Петром, Иаковом и Иоанном, почитаемых столпами Церкви (*Гал. 1,19; 2,9*). Иакову же Павел принес во время своего последнего посещения Иерусалима, приведшего к его заключению, и собранные среди языческих церквей пожертвования (*Деян. 21,18-25*). Этот последний эпизод очень важен, потому что в нем мы видим, что Иаков с сочувствием относился к иудеям, соблюдавшим иудейский закон, и притом убедительно настаивал на том, чтобы не оскорбляли их убеждений и даже убедил Павла продемонстрировать свою верность закону, побудив его принять на себя расходы некоторых иудеев, давших обет назорейства.

Таким образом, совершенно очевидно, что Иаков был главой иерусалимской церкви. Это получило большое развитие в традиции и предании. Эгесип, один из первых историков Церкви, сообщает, что Иаков был первым епископом иерусалимской церкви. Климент Александрийский идет дальше и говорит, что Иаков был избран на это служение Петром и Иоанном. Иероним пишет в книге "О знаменитых мужах": "После страстей Господних Иаков был сразу же посвящен апостолами в сан епископа Иерусалима. Он управлял иерусалимской церковью в течение тридцати лет, то есть до седьмого года правления императора Нерона". Последним шагом в создании этой легенды явились "Климентинские признания", в которых сказано, что Иакова посвятил в сан епископа иерусалимского Сам Иисус. Климент Александрийский передает странное предание: "Иакову Справедливому, Иоанну и Петру вручил Господь после Воскресения весть (знание); они передали ее другим апостолам, а апостолы - семидесяти". Дальнейшее развитие этой легенды уже нет смысла проследить, но в основе ее лежит факт, что Иаков был бесспорным главою иерусалимской церкви.

Иаков и Иисус

В *1 Кор. 15* приведен перечень явлений Иисуса после Воскресения такими словами: "Потом явился Иакову" (*1 Кор. 15, 7*). И, кроме того, странное упоминание имени Иакова находим в Евангелии от Иудеев, одном из первых евангелий, которое не было помещено в Новом Завете, но которое, судя по сохранившимся фрагментам, могло представлять большой интерес. Вот дошедший до нас отрывок из него у Иеронима: "А теперь Господь, отдав плащаницу рабу первосвященника, вошел к Иакову и явился ему (потому что Иаков поклялся, что не вкусит хлеба с того момента, как он вкусил чашу Господа, до тех пор, пока не увидит Его вновь воскресшим из тех, которые спят)". И далее: "Принеси ты, - говорит Господь, - стол и хлеб", и сразу же добавлено: "Он взял хлеб и благословил, и преломил, и дал его Иакову Справедливому и сказал: "Брат Мой, вкушай хлеб твой, ибо Сын Человеческий восстал из тех, что спят".

В этом отрывке следует отметить некоторые трудности. Складывается впечатление, что он имеет такое значение: Иисус, встав из мертвых и выйдя из гроба, отдал плащаницу, которую Он носил в смерти, рабу первосвященника и пошел к Своему брату Иакову. Складывается также впечатление, что в отрывке подразумевается, что Иаков присутствовал на Тайной Вечере. Но несмотря на неясные и непонятные места в отрывке, одно совершенно ясно: что-то в поведении Иисуса в последние дни и часы настолько захватило сердце Иакова, что он дал обет не принимать пищу до тех пор, пока Иисус не воскреснет вновь, и потому Иисус пришел к нему и дал ему нужное заверение. Совершенно очевидно, что Иаков встретился с воскресшим Христом, но мы никогда не узнаем, что же произошло в тот момент. Но мы знаем, что после этого Иаков, который прежде был враждебно и недружелюбно настроен к Иисусу, стал Его рабом в жизни и мучеником в смерти.

Иаков - мученик за Христа

Раннехристианские предания и традиция последовательны в том, что Иаков умер

мученической смертью. Описание обстоятельств его гибели различаются между собой, но утверждение о том, что он умер мучеником, остается неизменным. У Иосифа Флавия очень короткое сообщение ("Иудейские древности" 20,9.1):

"И потому Ананий, будучи таким человеком и полагая, что ему предоставлялась хорошая возможность, потому что Фест был мертв, а Альбин еще не прибыл, назначил судебное заседание и поставил перед ним брата Иисуса, которого называли Христом - по имени Иаков - и некоторых других по обвинению в нарушении закона и передал их, чтобы их побили камнями".

Ананий был иудейским первосвященником, Фест и Альбин - прокураторами Палестины, занимавшими такое же положение, как раньше Понтий Пилат. Важно в этом сообщении то, что Ананий воспользовался состоянием так называемого междуцарствия, временем между смертью одного прокуратора и прибытием его преемника, чтобы устранить Иакова и других руководителей христианской Церкви. Это вполне соответствует нашим сведениям о характере Анании. Из этого также можно сделать вывод, что Иаков был убит в 62 году.

Гораздо более подробно сообщение приведено в истории Эгесиппа. Сама эта история утеряна, но сообщение о гибели Иакова полностью сохранилось у Евсевия ("История Церкви" 2,23). Это довольно длинное сообщение, но оно представляет такой большой интерес, что его нужно привести здесь полностью.

"Руководство Церковью перешло к брату Господа Иакову, совместно с апостолами, тому, которого все со времени Господа и до наших дней называли Справедливым, потому что многих звали Иаков. И он был святым от чрева своей матери; он не пил вина и крепких напитков и не ел мяса; бритва ни разу не касалась его головы; он не помазывался маслом (для помазывания) и не принимал ванны. Он один мог войти в Святое, потому, что носил не шерстяные, а полотняные одежды. И лишь он один входил в Храм и его можно было видеть там распростертым на коленях, молящимся за прощение людям, так что колени его были мозолистыми, как у верблюда, вследствие постоянного преклонения в молитвах к Богу и вымаливания прощения для людей. За его необычную добродетельность его называли Справедливым, или Обиас, что в переводе с греческого означает Оплот Народа и Праведность, как и свидетельствуют о нем пророки.

И потому некоторые из семи сект, уже упоминавшихся в "Мемуарах", сказали ему: "Где путь к Иисусу?" и он ответил, что Иисус - Спаситель - и многие уверовали, что Иисус - Христос. Ну, а упомянутые выше секты не верили ни в Воскресение, ни в Того, Кто воздаст каждому по делам его; уверовавшие же в это уверовали благодаря Иакову. И вследствие того, что многие из правителей тоже уверовали, возникло среди иудеев, книжников и фарисеев смятение, потому что, говорили они, есть опасность, что все люди будут ждать Иисуса Христа. И потому, встретившись с Иаковом, они сказали ему: "Мы умоляем тебя, обуздай народ, потому что он сбивается с пути истинного и идет за Иисусом, почитая Его за Христа. Мы умоляем тебя убедить относительно Иисуса всех тех, которые придут в день Пасхи, потому что все мы прислушиваемся к твоему слову, потому что мы и весь народ свидетельствуем тебе, что ты справедлив и не взираешь на лица. И потому урезонь народ насчет Иисуса не ступать на ложный путь, потому что весь народ и все мы верим тебе; и потому скажи свое слово с крыши Храма, чтобы ты был хорошо виден, а слова твои слышны всему народу: на Пасху собрались все колена и язычники тоже".

И вот упомянутые книжники и фарисеи поставили Иакова на крышу Храма и воззвали к нему: "О ты, Справедливый, к которому мы все должны прислушиваться - ибо народ уходит с пути истинного - скажи нам, где дорога Иисуса?" И он, Иаков, ответил громким голосом: "Почему вы спрашиваете меня о Сыне Человеческом? Он Сам восседает на небесах одесную Всемоущего (Великой Силы) и придет на облаке небесном". И когда многие были обращены и восславили свидетельство Иакова и сказали: "Осанна Сыну Давидову", те же книжники и фарисеи говорили между собой: "Мы сделали ошибку, допустив такое свидетельство об

Иисусе, но давайте пойдём и сбросим его (Иакова) вниз, дабы из страха они не поверили ему". И они закричали: "Ой, ой, даже Справедливый заблудился", и они исполнили сказанное у Исая: "Давайте устраним Справедливого, потому что он причиняет нам неприятности; и потому они будут вкушать плоды дел своих".

И они поднялись наверх и сбросили Справедливого вниз, и они говорили друг другу: "Побьём камнями Иакова Справедливого", и они начали побивать его камнями, потому что падение не убило его, а он повернулся и опустил на колени, говоря: "Умоляю Тебя, Господи, Бог Отец, прости их, потому что не знают, что творят". И когда они так побивали его камнями, один из священников, сын Рехавита, о котором сказано у пророка Иеремии вскричал: "Стойте! Что вы делаете? Справедливый молится о вас". А некто из них, сукновал, взял палку, которой он выбивал сукно, и опустил ее на голову Справедливого и он погиб смертью мученика. И они похоронили его тут же около Храма. Он сделал справедливое свидетельство как иудеям, так и грекам, что Иисус - Христос. И сразу после этого Веспасиан осадил их".

Последние слова указывают на то, что у Эгесиппа была другая дата смерти Иакова. Иосиф Флавий датирует ее 62 г., но если она произошла непосредственно перед осадой Иерусалима Веспасианом, то это случилось в 66 году. Вполне возможно, что многое в истории Эгесиппа относится к области преданий, но из нее мы узнаем две вещи. Во-первых, она тоже свидетельствует о том, что Иаков умер мученической смертью. И, во-вторых, о том, что даже после того, как Иаков стал христианином, он сохранял абсолютную верность ортодоксальному иудейскому закону настолько, что иудеи считали его своим. Это вполне согласуется с тем, что мы уже отмечали об отношении Иакова к Павлу, когда последний пришел в Иерусалим с пожертвованиями для иерусалимской церкви (*Деян. 21,18-25*).

Брат Господа нашего

Попытаемся разрешить еще одну проблему в связи с личностью Иакова. В (*Гал. 1,19*) Павел говорит о нем как о брате Господа. В *Мат. 13,55* и *Мар 6,3* его имя приведено среди имен братьев Иисуса, а в *Деян 1,14* сказано без указания имен, что братья Иисуса были среди последователей ранней Церкви. Проблема заключается в том, чтобы выяснить значение слова брат, потому что этому придают очень большое значение римско-католическая церковь и католические группы в национальных христианских церквях. Уже во времена Иеронима в Церкви шли непрерывные споры и дискуссии по этому вопросу. Существуют три теории относительно отношений, в которых состояли эти "братья" к Иисусу; и мы рассмотрим их все в отдельности.

Теория Иеронима

Иероним развил теорию, согласно которой "братья" Иисуса были в действительности его двоюродными братьями. В этом твердо убеждена римско-католическая церковь, для которой данное положение является одним из важных элементов вероучения. Эта теория была выдвинута Иеронимом в 383 г. и мы не можем сделать ничего лучшего, как привести один за другим его сложные доводы.

1. Иакова, брата Господа нашего, упоминают как апостола. Павел пишет: "Другого же из Апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня" (*Гал. 1,19*).

2. Иероним утверждает, что слово апостол может быть употреблено только по отношению к одному из двенадцати. В таком случае мы должны искать Иакова среди них. Его нельзя отождествлять с Иаковом, братом Иоанна и сыном Зеведеевым, который помимо всего уже погиб мученической смертью к моменту написания *Гал. 1,19*, как совершенно определенно сказано в *Деян. 12,2*. И потому его следовало бы отождествлять лишь с другим Иаковом из двенадцати - Иаковом, сыном Алфеевым.

3. Иероним переходит к установлению личности по другим данным. В *Мар. 6,3* читаем:

"Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии...?", а в *Мар. 15,40* мы видим у распятия Марию, мать Иакова меньшего и Иосии. Коль скоро Иаков меньший приходится братом Иосии и сыном Марии он должен быть тем же лицом, что и Яков в *Мар. 6,3*, который был братом нашего Господа. И поэтому по теории Иеронима, Иаков, брат Господень, Иаков, сын Алфеев и Иаков меньший - одно и то же лицо, охарактеризованное по разному. 4. Следующую и последнюю посылку своего довода Иероним основывает на списке женщин, присутствовавших при распятии Христа. Давайте приведем этот список в том виде, как он приведен у трех авторов.

В *Мар. 15,40* читаем: "Мария Магдалина, Мария, мать Иакова и Иосии, и Саломия".

В *Мат. 27,56* читаем: "Мария Магдалина, Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведеевых".

В *Иоан. 19,25* читаем: "Матерь Его и сестра матери Его Мария Клеопова и Мария Магдалина".

Давайте теперь проанализируем этот список. В каждом из них упоминается имя Марии Магдалины. Можно совершенно определенно отождествлять Саломию и мать сыновей Зеведеевых. Но проблема заключается в том, чтобы сказать, сколько женщин приведено в списке Иоанна. Следует ли читать список так:

1. Матерь Его
2. Сестра матери его
3. Мария Клеопова
4. Мария Магдалина

или же так:

1. Матерь Его
2. Сестра матери его, Мария Клеопова
3. Мария Магдалина

Иероним настаивает на том, что правилен второй вариант и что сестра Матери Его и Мария Клеопова - одно и то же лицо. В таком случае она также должна быть Марией, которая в другом списке является матерью Иакова и Иосии. Этот Иаков, который является ее сыном, известен как Иаков меньший, и как Иаков сын Алфеев, и как Иаков Апостол, известный как брат Господень, а это значит, что Иаков - сын сестры Марии (матери Его), и, следовательно, двоюродный брат Иисуса.

Таков довод Иеронима. Против него можно выдвинуть по крайней мере четыре возражения.

1. Иакова неоднократно называют братом Иисуса или перечисляют среди братьев Его. В каждом случае употреблено слово *аделфос* - обычное обозначение брата. Оно, правда может характеризовать человека, принадлежащего к общему братству. В соответствии с этим принципом христиане называют друг друга братьями. Оно также может быть употреблено для выражения привязанности или любви - можно назвать братом человека очень близкого духовно. Но когда это слово употребляется для обозначения родственников, сомнительно, чтобы оно значило двоюродное родство. Если Иаков был двоюродным братом Иисуса, маловероятно, может быть даже невозможно, чтобы его назвали *аделфос* Иисуса.

2. Иероним сильно ошибался, утверждая, что звание апостол могло быть употреблено только по отношению к одному из двенадцати. Павел был апостолом (*Рим. 1,1; 1 Кор. 1,1; 2 Кор. 1,1; Гал. 9,1*) - Варнава был апостолом (*Деян. 14,14; 1 Кор. 9,6*). Сила был апостолом (*Деян. 15,22*). Андроник и Юний были апостолами (*Рим. 16,7*). Невозможно ограничить

применение слова *апостол* лишь двенадцатью, и потому, коль скоро, нет необходимости искать Иакова, брата Господня, среди двенадцати, то рушится вся система доводов Иеронима.

3. Буквальный смысл слов в *Иоан. 19,25* указывает на то, что здесь упомянуты четыре женщины, а не три, ибо, если бы Мария, жена Клеопова, была сестрой Марии, Матери Иисуса, то это значило бы, что в одной семье были две сестры по имени Марии, что маловероятно.

4. Следует помнить, что эта теория появилась в Церкви лишь в 383 г., когда она была разработана Иеронимом, и совершенно очевидно, что она была разработана лишь с одной целью - для обоснования теории непорочности Девы Марии.

Теория Епифания

Вторая из крупных теорий, касающихся родственных связей Иисуса и Его "братьев" основана на том, что эти "братья" были в действительности Его сводными братьями, сыновьями Иосифа от его первого брака. Эта теория носит название Епифаниевой, по имени Епифания, твердо настаивавшего на ней около 357 г.; но создал ее не он - она существовала еще задолго до того и, можно сказать, получила самое широкое распространение в ранней Церкви. Суть этой теории изложена уже в апокрифической книге, носившей название книга Иакова или Протоевангелие, относящейся к середине второго столетия. В этой книге рассказывается о преданной супружеской паре по имени Иоахим и Анна. У них было одно большое горе - у них не было детей. К их великой радости, когда они уже были в преклонном возрасте, у них родился ребенок, и в этом, кроме того, по всей вероятности, тоже видели непорочное зачатие. Ребенка, девочку, назвали Марией будущей матерью Иисуса; Иоахим и Анна посвятили свое дитя Господу и когда девочке было три года, отвезли ее в Храм и оставили на попечение священников. Мария выросла при Храме и когда ей было двенадцать лет, священники решили выдать ее замуж. Они созвали всех вдовцов, велев им захватить с собой свои посохи. Вместе со всеми пришел и плотник Иосиф. Первосвященник собрал все посохи, причем последним он взял Иосифов. Со всеми посохами ничего не случилось, а с посоха Иосифа взлетела голубка и опустилась ему на голову. Таким образом открылось, что Иосиф должен взять Марию в жены. Иосиф сперва очень воспротивился. "У меня есть сыновья, - сказал он, - я старый человек, а она девочка: как бы мне не стать посмешищем в глазах детей Израилевых" ("Протоевангелие" 9,1). Но потом он взял ее, повинаясь воле Божией, и в должное время родился Иисус. Протоевангелие, конечно же, основано на легендах, но оно показывает, что в середине второго столетия была широко распространена теория, которая затем получит имя Епифаниевой. Но не существует никаких прямых свидетельств, которые подтверждали бы эту теорию, и в ее поддержку приводятся лишь косвенные доказательства.

1. Спрашивают: стал бы Иисус возлагать заботу о Своей матери на Иоанна, если бы у нее были еще другие сыновья кроме Него? (*Иоан. 19,26.27*). В ответ на это можно сказать, что насколько нам известно, семья Иисуса вовсе не сочувствовала Ему и едва ли можно было бы поручить кому-нибудь из семьи заботу о ней.

2. Утверждают, что "братья" Иисуса относились к Нему как старшие братья к младшему: они сомневались в Его здравом уме и хотели увести Его домой (*Мар. 3,21.31-35*); они относились к Нему достаточно враждебно (*Иоан. 7,1-5*). Можно было бы также утверждать, что они рассматривали действия Иисуса, вне зависимости от Его возраста, как помеху для семьи.

3. Утверждают, что Иосиф должен был быть старше Марии, потому что он совершенно исчезает из Евангелия и, должно быть, умер еще до начала проповедования и общественного служения Иисуса. Мать Иисуса присутствовала на свадебном пире в Кане Галилейской, а Иосиф вовсе не упоминается (*Иоан. 2,1*). Иисуса иногда называют сыном Марии и это заставляет предположить, что Иосиф уже умер к тому времени и Мария была вдовой (*Мар.*

6,3; но ср. *Мат. 13,55*). Далее, Иисус долго оставался в Назарете, пока Ему не исполнилось тридцать лет (*Лук. 3,23*), что можно легко объяснить, если предположить, что Иосиф умер и на Иисуса легли заботы о доме и семье. Но один тот факт, что Иосиф был старше Марии, еще не доказывает, что у него не было детей от нее, и тот факт, что Иисус оставался в Назарете как деревенский плотник, чтобы обеспечить семью, был бы более естественным указанием на то, что Он был старшим, а не младшим сыном. В основу Епифаниевой теории легли те же моменты, на которых основана теория Иеронима. Ее целью является обоснование теории абсолютной непорочности Марии. Но для последнего вообще нет никаких свидетельств и доказательств.

Элвидиева теория

Третья теория носит название элвидиевой теории. В соответствии с ней братья и сестры Иисуса были в полной мере Его братьями и сестрами, то есть Его единоутробными братьями и сестрами. Об Элвидии известно лишь то, что он написал в ее обоснование трактат, против которого резко выступил Иероним. Что же можно сказать в пользу этой теории?

1. Человек, читающий Новый Завет без определенных богословских предпосылок и предположений воспринимает употребленное в Евангелии выражение "братья и сестры Иисуса", как свидетельство о непосредственном родстве.

2. Рассказ о рождении Иисуса в Евангелии от Матфея и Евангелии от Луки предполагает, что у Марии были еще дети. Матфей пишет: "Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень, и принял жену свою, и не знал ее, как наконец она родила Сына Своего первенца" (*Мат. 1,24.25*). Из этого ясно можно заключить, что после рождения Иисуса Иосиф вступил в нормальные брачные отношения с Марией. Тертуллиан, в сущности, использует этот маленький отрывок, чтобы доказать, что и девственность и брачное состояние Марии освящены во Христе тем, что она была сперва девственной, а потом супругой в полном смысле этого слова. Повествуя о рождении Иисуса, Лука говорит: "И родила Сына Своего первенца" (*Лук. 2,7*). Называя Иисуса первенцем, Лука ясно указывает на то, что позднее были и еще дети.

3. Как мы уже говорили, тот факт, что Иисус оставался в Назарете сельским плотником до исполнения Ему тридцати лет, служит по крайней мере указанием на то, что Он был старшим сыном и должен был принять на себя заботу о семье после смерти Иосифа.

Мы считаем и верим в то, что братья и сестры Иисуса были доподлинно Его братьями и сестрами и не настаиваем на том, что безбрачие выше освященной браком любви. В основе любой другой теории лежит прославление аскетизма и желание видеть в Марии вечную девственницу.

И потому мы исходим из того, что Иаков, которого называют братом Господним, был в полном смысле братом Иисуса.

Иаков, как автор послания

Можем ли мы тогда сказать, что этот Иаков и был автором настоящего послания? Давайте посмотрим, что свидетельствует в пользу такой точки зрения.

1. Если бы Иаков написал послание, оно совершенно естественно, могло быть только общего характера, каковым и является. Иаков не был, подобно Павлу, путешественником, которого знали во многих церковных общинах. Иаков был лидером иудаистского направления в христианстве и, вполне можно было ожидать, что если бы он оказался автором послания, оно было бы похоже на обращение к христианам-иудеям.

2. В послании нет ничего такого, чего бы не мог принять и с чем не согласился бы добродетельный иудей; некоторые даже считают, что это иудейский этический трактат, получивший место в Новом Завете. Указывалось также, что в Послании Иакова можно найти много таких фраз, которые одинаково хорошо читаются и в христианском и в иудейском

смысле. Слова "двенадцать колен, находящихся в рассеянии" (*Иак. 1,1*) могут быть отнесены не только к живущим в диаспоре во всем мире иудеям, но и к христианской Церкви, новому Израилю Господа. Слово "Господь" может в одинаковой степени указывать на Иисуса и Бога-Отца. Иаков говорит, что Бог родил нас словом истины, чтобы нам быть некоторым начатком Его созданий" (*Иак. 1,18*) можно в равной степени понимать в плане акта творения Божия или в плане возрождения, воссоздания Богом человечества в Иисусе Христе. Выражения "закон совершенный" и "закон царский" (*Иак. 1,25; 2,8*) можно в равной степени понимать как этический закон Десяти заповедей и как новый закон Христов. Слова "пресвитеров Церкви" - *екклесиа* (*Иак. 5,14*) можно понимать и как пресвитеров христианской Церкви и как старейшин иудейских, потому что в Септуагинте (перевод Библии, сделанном в Александрии в третьем веке до Р. Х.) *екклесиа* - это титул избранного Богом народа. В *Иак. 2,2* говорится о "собрании вашем", причем употреблено слово *синагога*, и оно скорее может быть понято как *синагога*, нежели как *христианская церковная община*. Обращение к читателям как к *братьям* носит абсолютно христианский характер, но оно в равной степени присуще и иудеям. Пришествие Господа и картина Судии, стоящего у дверей (*Иак. 5,7.9*) одинаково присущи и христианскому и иудейскому образу мышления. Фраза о том, что осудили, убили праведника (*Иак. 5,6*), часто встречается у пророков, а христианин читал ее как указание на Распятие Христа. В этом послании действительно нет ничего такого, чего не мог бы с чистым сердцем принять ортодоксальный иудей.

Можно утверждать, что все это говорит в пользу Иакова: он был главой, если это можно так назвать, иудейского христианства, он был главой иерусалимской церкви.

Должно быть, одно время Церковь была очень близка к иудаизму и скорее представляла собой реформированный иудаизм. В таком типе христианства отсутствовала та широта и универсальность, которые придал ему апостол Павел. Павел сам говорил, что ему предназначено миссионерство у язычников, а Петру, Иакову и Иоанну - у иудеев (*Гал. 2,9*). Послание Иакова вполне может отражать воззрения христианства в его ранней форме. Этим можно объяснить следующие два момента.

Во-первых, это объясняет почему Иаков так часто излагает и повторяет учение из Нагорной Проповеди. Мы можем сравнить *Иак. 2,12* и *Мат. 6,14.15*; *Иак. 3,11-13* и *Мат. 7,16-20*; *Иак. 5,12* и *Мат. 5,34-37*. Этика христианства представляла большой интерес для всех иудеев-христиан.

Во-вторых, это может помочь в объяснении взаимоотношений между этим посланием и учением Павла. На первый взгляд *Иак. 2,14-26* содержит прямые нападки на учение Павла. "Человек оправдывается делами, а не верою только" (*Иак. 2,24*). Это противоречит учению Павла об оправдании верою. В действительности Иаков порицает ту веру, которая не ведет к каким-либо этическим поступкам. А те, которые обвиняли Павла в проповеди именно такой веры, не читали его послания, ибо они просто переполнены требованиями чисто этического характера, как это можно видеть на примере *Рим. 12*.

Иаков умер в 62 г. и не мог видеть посланий Павла, ставших общим достоянием Церкви лишь в 90-е годы. И потому Послание Иакова нельзя рассматривать ни как нападки на учение Павла, ни как их извращение. И такое неправильное понимание скорее всего могло иметь место именно в Иерусалиме, где относились с подозрением к учению Павла о приоритете веры и благодати и к его нападкам на закон.

Мы уже говорили о том, что Послание Иакова и послание совета иерусалимской церкви к церквам язычников имеют странное сходство между собой по крайней мере в двух моментах. Во-первых, оба начинаются со слова *радоваться* (*Иак. 1,1*; *Деян. 15,23*), в греческом варианте - *хайрейн*. Это традиционное начало греческого письма, но вторично в Новом Завете оно встречается лишь в письме тысяченачальника Клавдия Лисия правителю провинции Феликсу (*Деян. 23,26-30*). Во-вторых, в *Деян. 15,17* приведена фраза из речи Иакова, в которой говорится о народах, *между которыми возвестится имя Мое*. Эта фраза в Новом

Завете повторяются только один раз в *Иак. 2,7*, где она переведена так: *имя, которым вы называетесь*. Хотя в русском переводе эти фразы отличаются друг от друга, в греческом оригинале они одинаковы. Интересно, что в послании совета иерусалимской церкви мы встречаем две необычные фразы, которые встречаются только в Послании Иакова. Не следует забывать также о том, что послание совета иерусалимской церкви по всей вероятности составил Иаков.

Этот факт подтверждает теорию, в соответствии с которой Послание Иакова было написано Иаковом, братом Господа нашего и главой иерусалимской церкви.

Но, с другой стороны, существуют факты, которые все же заставляют нас сомневаться в его авторстве.

1. Можно было бы предположить, что если бы автором послания был брат Господень, он как-нибудь сослался бы на это. Но он называет себя только рабом Бога и Господа Иисуса Христа (*Иак. 1,1*). Ведь такое указание не обязательно служило бы его личной славе, а придало бы вес и значимость его посланию. И такой вес был бы особенно ценным за пределами Палестины, в странах, где едва ли кто-нибудь знал Иакова. Если автор послания действительно был братом Господа, почему же он не упомянул об этом прямо или косвенно?

2. Коль скоро в послании нет указания на то, что его автор - брат Господень, можно было бы ожидать указания на то, что он является апостолом. Апостол Павел всегда начинал свои послания определенными словами. И опять же дело здесь не в личном престиже, а в ссылке на авторитет, на который он опирается. Если Иаков, написавший послание, действительно был братом Господним и главой иерусалимской церкви, можно было бы ожидать в самом начале послания указание на его апостольство.

3. Но самое удивительное - и это побудило Мартина Лютера оспаривать право послания быть включенным в Новый Завет - это почти полное отсутствие в нем упоминаний об Иисусе Христе. Во всем послании Его имя приводится всего два раза, да и эти упоминания носят почти случайный характер (*Иак. 1,1; 2,1*).

В послании вообще нет ни одного упоминания о Воскресении Христа. Мы хорошо знаем, что молодая Церковь выросла на вере в воскресшего Христа. Если это послание вышло из-под пера Иакова, то оно совпадает по времени написания с книгой Деяния святых Апостолов, в которой о Воскресении Христа говорится не менее двадцати пяти раз. Удивительно, чтобы человек, писавший в такое важное для истории Церкви время, не написал о Воскресении Христа, ведь у Иакова были веские личные причины написать о явлении Иисуса, которое, по-видимому, и изменило его жизнь.

Более того, в послании ничего не сказано об Иисусе, как о Мессии. Если Иаков, руководитель иудейской церкви, писал иудеям-христианам в те самые первые годы, можно было бы ожидать, что его главной целью будет то, чтобы представить Иисуса, как Мессию или, по крайней мере, совершенно ясно продемонстрировать свою веру в это; но в послании нет ничего подобного.

4. Совершенно очевидно, что автор этого послания находился под сильным влиянием Ветхого Завета; совершенно очевидно также, что он был очень хорошо знаком с Книгами Мудрости. В послании двадцать три очевидных цитаты из Нагорной Проповеди - и это не удивительно. Еще до написания первого Евангелия краткие изложения учения Иисуса наверняка ходили в списках. Некоторые люди утверждают, что автор послания должен был знать Послания Павла к Римлянам и Галатам, чтобы написать так о вере и человеческих свершениях; справедливо утверждают также, что никогда не бывавший за пределами Палестины и умерший в 62 г. иудей, не мог знать этих посланий. Но, как мы уже видели, этот довод бьет мимо цели, потому что критика учения Павла, если таковая прослеживается в Послании Иакова, могла быть предпринята лишь человеком, не читавшим оригиналов Павловых посланий, а пользовавшимся лишь неправильно изложенным или извращенным

учением Павла. Далее фраза в *Иак. 1,17*: "Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный" - написана гекзаметром и совершенно очевидно является цитатой из какого-то греческого поэта; а фраза в *Иак. 3,6*: "круг жизни" может быть орфической фразой из религий-мистерий. Откуда мог Иаков из Палестины взять такие цитаты?

Некоторые вещи просто трудно объяснить, если считать, что автором послания был Иаков, брат Господень.

Как видим, все за и против того, что Иаков написал это послание, уравнивают друг друга, но мы оставим пока этот вопрос неразрешенным и обратимся к другим вопросам.

Датировка послания

Обращаясь к факторам, проливающим свет на время написания послания, мы опять сталкиваемся с той же проблемой однозначного ответа на этот вопрос дать нельзя. Можно утверждать, что послание могло быть написано очень рано, но можно и утверждать, что оно было написано довольно поздно.

1. Совершенно очевидно, что в момент написания послания еще существовала очень реальная надежда на скорое Второе Пришествие Иисуса Христа (*Иак. 5,7-9*). Хотя ожидание Второго Пришествия никогда не оставляло христианскую Церковь, но по мере того, как срок его наступления затягивался, это ожидание несколько ослабевало и теряло свою остроту. Это говорит в пользу раннего написания послания.

2. В первых главах книги Деяния святых Апостолов и в посланиях Павла нашли отражение дискуссии иудеев против принятия в Церковь язычников исключительно на основе принципа веры. Всюду, куда шел Павел, за ним приходили последователи иудаизма, и принятие в Церковь язычников оказывалось очень нелегким делом. В Послании Иакова, однако, нет и намека на эту борьбу, что вдвойне удивительно, если вспомнить, что Иаков, брат Господень, играл ведущую роль в разрешении этого вопроса на совете иерусалимской церкви, и потому это послание должно было быть написано либо слишком рано, еще до того, как возникли эти противоречия; либо же очень поздно, уже после того, как заглохло последнее эхо этого спора. Отсутствие в послании упоминаний о противоречиях между иудеями и язычниками, можно толковать по-разному.

3. Столь же противоречивыми являются, получившие отражение в послании, сведения об устройстве Церкви и ее нормах. Места собраний в Церкви все еще называются *сунагогой* (*Иак. 2,2*). Это указывает на раннюю дату написания послания; позже церковное собрание обязательно называли бы *екклесия*, потому что иудейское название было вскоре забыто. Упоминаются пресвитеры Церкви (*Иак. 5,14*), но не упоминаются ни диаконы, ни епископы. Это опять же указывает на раннюю дату написания послания и, возможно, на иудейский источник, потому что пресвитеры-старейшины были у иудеев, а потом и у христиан. Иакова волнует, что *многие хотят быть учителями* (*Иак. 3,1*). Это также может указывать на ранний срок написания послания, когда Церковь еще не разработала и не развила свою систему священничества и не ввела еще определенный порядок в церковное богослужение. Это же может указывать на позднюю дату написания послания, когда появились многочисленные учителя, ставшие настоящим бичом Церкви.

Но есть два общих факта, которые, по-видимому, свидетельствуют о том, что послание было написано довольно поздно. Во-первых, как мы видели, в нем почти вовсе не упоминается Иисус. Темой послания, являются в сущности недостатки членов Церкви и их несовершенства, их грехи и их заблуждения. Это может указывать на довольно позднюю дату написания послания. Проповедь в молодой Церкви в первые годы ее существования была проникнута благодатью и славой воскресшего Христа. Позже проповедь превратилась, как это часто бывает и сегодня, в тираду против недостатков членов церковной общины. Второй важный факт, из которого можно вывести, что послание было написано поздно - осуждение богатых (*Иак. 2,1-3; 5,1-6*). Лесть и высокомерие богатых, по-видимому, действительно

представляли большую проблему для Церкви в эпоху, когда было написано настоящее послание, ибо в ранней Церкви их было совсем мало, если они вообще были (1 Кор. 1,26.27). Послание Иакова, по-видимому, было написано в период, когда прежде бедной Церкви угрожало вновь пробуждавшееся в ее членах стремление к земным благам и удовольствиям.

Проповедники и наставники в древнем мире

Мы можем облегчить себе задачу установления даты написания Послания Иакова, если будем рассматривать его на фоне тогдашнего мира.

Проповедь всегда связывают с христианством, но сама по себе проповедь не была изобретением христианской Церкви. Традиция проповеди существовала и в иудейском и в древнегреческом мире; и если сравнивать греческую и иудейскую проповедь с Посланием Иакова, то поражает их большое сходство.

Давайте рассмотрим сначала греческую проповедь на греческих проповедников. Бродячие философы (стоики, циники и др.) были обычным явлением в древнегреческом мире. Везде, где собирались люди, можно было встретить их и слышать их призывы к добродетели: на перекрестках, на площадях, среди большого скопления народа на спортивных играх и даже на гладиаторских боях. Иногда они даже обращались непосредственно к императору, упрекали его в роскоши и тирании и призывали к добродетели и справедливости. Миновало то время, когда философией занимались исключительно в академиях и философских школах. Философские этические проповеди можно было слушать каждый день в общественных местах. Эти проповеди имели свои особенности: порядок и приемы были всегда одинаковы. Они оказали большое влияние на манеру, в которой Павел проповедовал Евангелие, да и Иаков пошел по тем же стопам. Приведем несколько профессиональных методов этих древних проповедников и отметим их влияние на метод Послания Иакова и Посланий Павла церквям.

Проповедники в древности стремились не столько к познанию новых истин, сколько к тому, чтобы обратить внимание людей на недостатки в их образе жизни и заставить их снова увидеть известные им, по случаю или умышленно забытые истины. Они стремились призывать людей, погрязших в распутстве и забывших своих богов, к добродетельной жизни.

1. Они часто вели вымышленные беседы с вымышленными противниками в форме так называемых "усеченных диалогов". Иаков также прибегает к этому приему в 2,18 и далее и 5,13 и далее.

2. Они имели обыкновение переходить от одной части проповеди к другой посредством вопросов, которые они задавали, чтобы ввести новую тему. Иаков также использует этот метод в 2,14 и 4,1.

3. Они очень любили повелительное наклонение, призывая своих слушателей поступать праведно и отречься от заблуждений. У Послания Иакова из 108 стихов, почти 60 - императивы.

4. Они очень любили задавать своим слушателям риторические вопросы. Иаков тоже часто задает такие вопросы (2,4.5; 2,14-16; 3,11.12; 4,4).

5. Они часто обращались с живыми призывами прямо к какой-либо части слушателей. Иаков обращается непосредственно самонадеянным богачам, торгующим ради прибыли (4,13; 5,6).

6. Они очень любили образные выражения для характеристики добродетелей и пороков, грехов и положительных качеств. Иаков также показывает в действии похоть и грех (1,15); милость (2,13) и ржавчину (5,3).

7. Они использовали образы и картины будничной жизни, чтобы разбудить интерес в слушателях. Типичными для проповеди в древности были образы узды, судового руля,

лесного пожара и т.д. (ср. *Иак. 3,3-6*). Наряду со многими другими, Иаков очень ярко использует образ крестьянина и его терпение (5,7).

8. Они часто приводили в пример знаменитых и известных людей и их нравственное поведение. Иаков приводит в пример Авраама (2,21-23), блудницу Раав (2,25), Илию (5,17).

9. Для того, чтобы привлечь внимание слушателей проповедники древности начинали свою проповедь с противоречивого высказывания. Так же поступает и Иаков, предлагая людям с великою радостью принимать жизнь, когда они впадают в искушения (1,2). Проповедники древности также часто противопоставляли подлинную добродетель обычным жизненным стандартам. Иаков, со своей стороны, настаивает на том, что счастье богатых заключается в унижении (1,10). Проповедники древности пользовались оружием иронии. Также поступает и Иаков (2,14-19; 5,1-6).

10. Проповедники древности могли говорить резко и сурово. Иаков тоже называет своего читателя "неосновательным человеком" и "неверным и врагом Богу" (2,20; 4,4). Проповедники древности прибегали к словесному бичеванию - Иаков поступает также.

11. У проповедников древности были свои стандартные способы составлять проповеди.

а) Они часто заканчивали часть своей проповеди ярким противопоставлением. Например противопоставляли праведный и неправедный образ жизни. Иаков тоже повторяет этот прием (2,13; 2,26).

б) Они часто доказывали свои положения, задавая слушателям прямые вопросы, - Иаков поступает так же (4,4-12). Мы, правда не находим у Иакова горечи, пустого и грубого юмора, к которым прибегали греческие проповедники, но совершенно очевидно, что он использует все другие методы, которыми пользовались бродячие греческие проповедники для завоевания умов и сердец слушателей.

У древних иудеев тоже была своя традиция проповедования. Такие проповеди обычно читали во время служб в синагогах раввины. У них было много общего с проповедями бродячих греческих философов: те же риторические вопросы, те же настоятельные призывы и императивы, те же иллюстрации из обыденной жизни, те же цитаты и примеры из жизни мучеников за веру. Но иудейская проповедь имела одну любопытную особенность: она была отрывистой и бессвязной. Иудейские учителя учили своих учеников никогда не задерживаться на одном предмете, а быстро переходить от одного предмета к другому, чтобы поддерживать интерес слушателей. И потому такую проповедь называли также *харац*, что значит *нанизывание бус*. Иудейская проповедь часто представляла собой нагромождение одной на другую моральных истин и увещаний. Послание Иакова написано именно так. Очень трудно увидеть в нем последовательность и продуманный план. Разделы и стихи в нем следуют один за другим не связанные между собой. Гудспид пишет об этом послании так: "Это произведение сравнивали с цепью, в которой каждое звено связано с предшествующим ему и следующим за ним. Иные же сравнивали его содержание с ниткой бус... Но, может быть, Послание Иакова представляет собой не столько цепь мыслей или бусин, сколько горсть жемчужин, бросаемых по одной в память слушателя".

Как бы мы ни рассматривали Послание Иакова, как проявление древнегреческого или иудейского мировоззрения - оно представляет собой хороший образец проповеди того времени. И, по-видимому, здесь и лежит ключ к разгадке его авторства.

Автор послания Иакова

Есть пять возможностей ответить на этот вопрос.

1. Начнем с теории, выработанной более полувека назад Майером и возрожденной Истеном в "Толковании Библии". В древние времена было обычным делом опубликовывать книги под именем великого человека. Иудейская литература в эпоху между Ветхим и Новым Заветами полна таких сочинений, приписывавшихся Моисею, двенадцати патриархам, Варуху, Еноху,

Исаии и другим выдающимся людям, чтобы привлечь внимание читателей. Это было обычной практикой. Наиболее известной из апокрифических книг является книга Премудрости Соломона, в которой мудрецы позднейших времен приписывают мудрейшему из царей новую мудрость. Нельзя забывать относительно Послания Иакова следующее:

а) В нем нет ничего такого, чего не мог бы принять ортодоксальный иудей, если устранить из него два упоминания об Иисусе в Иак. 1,1 и 2,1, что нетрудно сделать.

б) По-гречески *Иаков* звучит как *Иакобус*, что вне всякого сомнения, соответствует *Иакову* в Ветхом Завете.

в) Послание обращено к двенадцати коленам, находящимся в рассеянии. Из этой теории вытекает, что Послание Иакова всего лишь иудейское сочинение, подписанное именем Иаков и предназначавшееся для рассеянных по всему миру иудеев, чтобы укрепить их в вере среди испытаний, которым они подвергались в языческих странах.

Эта теория получила в дальнейшем такое развитие. В *Быт. 49* приведено обращение Иакова к своим сыновьям, которое представляет из себя ряд коротких описаний и характеристик каждого из его сыновей. Майер заявляет, что он может найти в Послании Иакова параллели к описанию каждого из патриархов и, следовательно, всех двенадцати колен, данных в обращении Иакова. Вот некоторые из сопоставлений и параллелей:

Асир - богатый человек: *Иак. 1,9-11; Быт.. 49,20.*

Иссахар - делающий добро: *Иак. 1,12; Быт. 49,14.15.*

Рувим - начатой, первый плод: *Иак. 1,18; Быт. 49,3.*

Симеон символизирует гнев: *Иак. 1,9; Быт. 49,5-7.*

Левий - колено, имеющее особое отношение к религии: *Иак. 1,26.27.*

Неффалим символизирует мир: *Иак. 3,18; Быт. 49,21.*

Гад символизирует войны и битвы: *Иак. 4,1.2; Быт.49,19.*

Дан символизирует ожидание спасения: *Иак. 5,7; Быт. 49,18.*

Иосиф символизирует молитву: *Иак. 5,1-18; Быт. 49,22-26.*

Вениамин символизирует рождение и смерть: *Иак. 5,20; Быт. 49,27.*

Это очень остроумная теория: никто не может привести в ее пользу неопровержимых доказательств, либо опровергнуть ее; и она, несомненно, хорошо объясняет обращение в *Иак. 1,1* к двенадцати коленам, живущим в рассеянии. Эта теория позволяет заключить, что моральные и этические аспекты этого иудейского трактата, написанного под именем Иакова, произвели на какого-то христианина столь сильное впечатление, что он внес в него некоторые исправления и дополнения и издал его как христианскую книгу. Это, конечно же, интересная теория, но, пожалуй, главное ее достоинство состоит в ее остроумии.

2. Подобно иудеям, христиане тоже написали много книг, приписывая их выдающимся деятелям христианской веры. Существуют евангелия, написанные от имени Петра, Фомы и даже Иакова; существует послание, подписанное именем Варнавы, есть евангелия от Никодима и Варфоломея; существуют деяния Иоанна, Павла, Андрея, Петра, Фомы, Филиппа и других. Такие книги в литературе называют *псевдоименными*, то есть написанными под чужим именем.

Высказывались предположения, что Послание Иакова было написано кем-то другим и приписано брату Господа. Очевидно, именно так думал Иероним, когда говорил, что это послание "было издано кем-то от имени Иакова". Но чем бы это послание ни было в действительности, оно никак не могло быть "издано кем-то от имени Иаков", потому что человек, написавший и приписавший кому-то такую книгу, тщательно и старательно

постарался бы показать того, кто должен был считаться ее автором. Если бы автор хотел издать книгу под псевдонимом, он сделал бы так, чтобы ни у кого не возникло и сомнения в том, что ее автором является Иаков, брат Господа нашего, но об этом даже не упоминается.

3. Английский богослов Моффат был склонен считать, что автором послания не был ни брат Господа, ни какой-либо другой хорошо известный Иаков, а просто учитель по имени Иаков, о жизни которого мы вообще ничего не знаем. Это, собственно, не столь уж невероятно, потому что и в то время имя Иаков было очень широко распространено. Но тогда трудно понять, какая книга была включена в Новый Завет, и почему ее стали связывать с именем брата Иисуса.

4. Принято, однако, считать, что эта книга была написана Иаковом, братом Господа. Мы уже указывали на очень странный момент - на то, что в такой книге лишь дважды случайно упоминается имя Иисуса и вообще ни разу не говорится о Его Воскресении или о том, что Иисус был Мессией. Но есть еще одна, даже еще более трудная и сложная проблема. Книга написана на греческом языке и Роупс считает, что греческий должен был быть родным языком автора послания, а крупный филолог-классик Майор заявил: "Я склонен считать, что греческий язык этого послания ближе к нормам высокой классики, чем к греческому языку прочих книг Нового Завета, за исключением, может быть, Послания к Евреям". Но родным языком Иакова, вне всякого сомнения, был арамейский, а не греческий, и он, совершенно определенно, не мог мастерски владеть классическим греческим языком. Полученное им ортодоксальное иудейское воспитание должно было вызвать в нем презрение к греческому, как к ненавистному языческому языку. В таком ключе почти невозможно представить себе, чтобы это послание вышло из-под пера Иакова.

5. Давайте вспомним, как сильно Послание Иакова похоже на проповедь. Вполне может быть, что эта проповедь действительно была произнесена самим Иаковом, но записана и переведена кем-то другим; потом ее немного изменили и разослали во все церкви. Этим объясняется и форма послания, и факт отождествления его с именем Иакова. Этим также объясняется отсутствие многочисленных ссылок на Иисуса, на Его Воскресение и Мессианство: ведь Иаков не мог затронуть в одной проповеди все аспекты веры; он, собственно говоря, доводит до сознания людей их моральные обязательства, а не преподает им богословие. Нам представляется, что эта теория и объясняет все.

Одно совершенно ясно - мы, может быть, начнем читать это небольшое послание, осознавая, что Новый Завет содержит книги более значительные, но если мы изучим его с совершенным почтением, то закроем его с чувством благодарности к Богу за то, что оно было сохранено для нашего наставления и вдохновения.

Глава 1

1

Приветствия (Иак. 1,1)

Уже в самом начале послания Иаков награждает себя титулом, в котором вся его слава и вся его честь; он - *раб Бога и Господа Иисуса Христа*. Иаков единственный из авторов Нового Завета, если не считать еще Иуды, называющего себя "*доулос*" без всяких дальнейших разъяснений и оговорок. Павел называет себя "рабом Иисуса Христа, призванным Апостолом" (*Рим. 1,1; Фил. 1,1*). Иаков же не хочет прибавлять ничего более к тому, что он раб Бога и Господа Иисуса Христа. Это звание имеет четыре значения.

1. Оно предполагает *абсолютное послушание*. Для раба есть только один закон - слово хозяина, у раба нет никаких прав; он является полной собственностью своего хозяина, и он обязан проявлять абсолютное послушание.

2. Оно предполагает *абсолютную покорность*. Так называет себя человек, думающий не о

своих привилегиях - а о своих обязательствах, не о своих правах - а о своем долге. Так называет себя человек, забывший себя в служении Богу.

3. Оно предполагает *абсолютную верность и преданность*. Так называет себя человек, у которого нет своих интересов, потому что все, что он делает, он делает для Бога. Он не рассчитывает на личные выгоды и преимущества, он верен Ему.

4. Но, с другой стороны, это *гордое* звание. Так называли себя величайшие личности эпохи Ветхого Завета. Моисей был *доулос*, рабом Божиим (3 Цар. 8,53; Дан. 9,11; Мал. 4,4), также и Иисус Навин, и Халев (Иис. Н. 24,29; Числ. 14,24); патриархи - Авраам, Исаак, Иаков (Втор. 9,27), Иов (Иов. 1,8) и Исаия (Ис. 20,3). Совершенно очевидно, что рабами Божиими, *доулос*, были пророки (Ам. 3,7; Зах. 1,6; Иер. 7,25). Называя себя рабом, *доулос*, Иаков считает себя последователем и преемником тех, кто обрел свободу, мир и славу в абсолютном подчинении воле Божией. У христианина не может быть более высокой цели, чем эта - быть рабом Божиим.

Но это приветствие имеет одну интересную особенность: приветствуя своих читателей, Иаков употребляет слово *хайрейн*, обычное приветствие в греческих светских письмах. Павел, например, никогда не употреблял этого слова: он всегда употреблял сугубо христианское приветствие, "благодать и мир" (Рим. 1,7; 1 Кор. 1,3; 2 Кор. 1,2; Гал. 1,3; Еф. 1,2; Фил. 1,2; Кол. 1,2; 1 Фес. 1,1; 2 Фес. 1,2; Флм. 3). Далее в Новом Завете это светское приветствие встречается только дважды: в письме римского офицера Клавдия Лисия правителю Феликсу, написанном по поводу обеспечения безопасности путешествия Павла (Деян. 23,26), и в послании всем церквям, написанном после решения иерусалимского совета допустить в Церковь язычников (Деян. 15,23). Это интересный факт, потому что на том совещании председательствовал Иаков (Деян. 15,13). Вполне возможно, что он употребил самое распространенное приветствие потому, что его послание рассылалось широкой публике.

Иудеи, живущие в рассеянии по всему миру (Иак. 1,1 (продолжение))

Послание обращено к *двенадцати коленам, находящимся в рассеянии - в диаспоре*. Это слово употребляется исключительно по отношению к иудеям, живущим за пределами Палестины. Миллионы иудеев, по тем или иным причинам жившие за пределами Палестины, и составляли диаспору. Это рассеяние иудеев по всему миру сыграло чрезвычайно важную роль в распространении христианства, потому что по всему тогдашнему миру были синагоги, где могли начинать свой путь христианские проповедники и, кроме того, по всему миру были люди, мужчины и женщины, уже знавшие Ветхий Завет и стремившиеся вызвать в других людях интерес к своей вере. Давайте посмотрим, как возникло это рассеяние.

Иудеев несколько раз насильно гнали с их земли и заставляли жить на чужих территориях. Было три таких переселения.

1. Первое насильственное переселение иудеев было осуществлено ассирийцами, когда они захватили Северное Царство со столицей Самарией и увели весь народ в плен в Ассирию (4 Цар. 17,23; 1 Пар. 5,26). Это и были те десять колен, которые никогда не вернулись назад. Сами иудеи верили, что в конце концов все они соберутся в Иерусалиме, но эти десять колен, полагали они, не вернутся до скончания мира. Это убеждение было основано на довольно странном истолковании текста Ветхого Завета. Раввины утверждали: "Эти десять колен никогда не вернутся, потому что о них сказано: "И поверг их на Другую землю, как ныне видим" (Втор. 29,28). И так же, как день сегодняшний (ныне) проходит и уже никогда не вернется, так и они ушли и никогда не вернутся. И так же, как сегодня наступает темная ночь, а потом снова свет, так и воссияет вновь свет для тех десяти колен, для которых была тьма".

2. Второе насильственное переселение иудеев произошло около 580 г. до Р. Х., когда вавилоняне завоевали Южное Царство, столицей которого был Иерусалим, и увели многих, в

том числе знатнейших, в вавилонский плен (*4 Цар. 24,14-16; Пс. 1,36*). В Вавилоне иудеи вели себя независимо: они упорно отказывались ассимилироваться и потерять свою национальную принадлежность. Их поселили в городах Нехареда и Нибисис. Именно в Вавилоне достигла своего наивысшего расцвета иудейская ученость, там и был создан вавилонский Талмуд, обширнейшее шестидесяти томное изложение иудейского закона. Иосиф Флавий написал "Иудейские войны" первоначально не на греческом языке, а на арамейском, поскольку предназначалась эта книга для ученых в Вавилоне. Иосиф Флавий пишет, что иудеи добились там такой власти, что в течение определенного периода провинция Мессопотамия находилась под их управлением. Двух иудейских правителей Мессопотамии звали Асидей и Анилей; по дошедшим до нас сведениям, после смерти Анилея были вырезаны свыше 500.000 иудеев.

3. Третье насильственное переселение иудеев имело место значительно позже. Помпей, разгромив иудеев и взяв в 63 г. до Р. Х. Иерусалим, вывез многих иудеев в Рим в рабство. Приверженность иудеев обрядовому закону и упрямое соблюдение ими субботы затрудняло их использование в качестве рабов, и потому большинство из них были отпущены на волю. Иудеи поселились в особом квартале на дальнем берегу Тибра и вскоре уже процветали во всем городе. Дио Кассий говорит о них так: "Их часто принижали, но они, тем не менее, окрепли и даже добились права свободно отправлять свои обычаи". Большим покровителем иудеев был Юлий Цезарь; иудеи оплакивали его всю ночь у его гроба. По дошедшим до нас сведениям, много иудеев присутствовало во время речи Цицерона в защиту Флака. В 19 г. по Р. Х. иудеев изгнали из Рима, обвинив в том, что они ограбили богатую римлянку-прозелитку, обещав послать ее деньги в качестве пожертвования иерусалимскому Храму. 4.000 иудеев были взяты в армию для борьбы против разбойников на острове Сардиния, но вскоре их вернули назад. Когда палестинские иудеи послали в Рим делегацию с жалобой на правителя Архелая, к делегатам присоединились 8.000 живших в Риме иудеев. Римская литература полна презрительных замечаний в адрес иудеев, так что антисемитизм - не новое явление, а большое число упоминаний об иудеях - яркое свидетельство того, какую большую роль играли иудеи в жизни столицы римского государства.

Эти насильственные переселения привели к тому, что тысячи иудеев осели в Вавилоне и в Риме, но еще большее число иудеев оставили Палестину в поисках более удобных и выгодных мест: они направлялись, прежде всего, в две соседние страны - Сирию и Египет. Палестина была зажата между этими двумя странами и могла в любое время оказаться полем битвы между ними. Поэтому множество иудеев покинуло Палестину и поселилось в этих странах.

В эпоху Навуходоносора многие иудеи добровольно ушли в Египет (*4 Цар. 25,26*). Есть сведения, что еще в 650 г. до Р. Х. в армии египетского фараона были наемники-иудеи. Когда Александр Македонский основал Александрию, поселенцам были дарованы особые привилегии, и это привело туда большое число иудеев. Город Александрия был разделен на пять административных районов, два из них были населены иудеями. Население последних двух составляло более одного миллиона. Поселения иудеев в Египте разрослись настолько, что около 50 г. до Р. Х. в Леонтополе для них был построен храм, по образу иерусалимского.

Среди сирийских городов больше всего иудеев жило в Антиохии. Там впервые проповедовалось язычникам Евангелие, и последователей Иисуса впервые называли христианами в Антиохии. По дошедшим до нас сведениям в Дамаске однажды было вырезано 10.000 иудеев.

В Египте, в Сирии и далеко за их пределами также проживало много иудеев. По дошедшим до нас сведениям, население Кириanei в Северной Африке делилось на земледельцев, проживавших в стране чужестранцев, и иудеев. Историк Рима, немец Моммзен, писал: "Жители Палестины - это только часть иудеев, и притом не самая большая; иудейские общины Вавилона, Малой Азии и Египта по своей численности намного больше иудейского

населения Палестины".

Моммзен упомянул еще один район, где жило много иудеев - Малую Азию. После смерти Александра Македонского империя его распалась: Египет попал под власть Птолемеев, а Сирия и прилегающие к ней области - к Селевкидам. Династия Селевкидов проводила, с одной стороны, политику подавления народов, в надежде искоренить национализм, а с другой стороны очень любила воздвигать новые города. Для этих городов нужны были жители и Селевкиды предоставляли особые привилегии и льготные условия тем, кто поселялся в них. Иудеи тысячами поселялись в таких городах и составляли большую и процветающую часть населения городов Малой Азии, больших городов Средиземноморья и других крупных торговых центров. Но даже там они подвергались насильственному переселению. Антиох III Великий переселил две тысячи иудейских семей из Вавилона в Лидию и Фригию. Поток исходящих из Палестины иудеев был настолько мощным, что палестинские иудеи жаловались на своих собратьев, покидавших суровую родину ради бань и пиров Азии и Фригии, а Аристотель рассказывал о том, что встретил в Малой Азии иудея, который "был греком не только по языку, но и душой".

Все это ясно показывает, что иудеи жили во всем тогдашнем мире. Греческий географ Страбон писал: "Трудно найти в целом мире такое место, где бы не жили и не господствовали иудеи", а иудейский историк Иосиф Флавий писал: "Нет такого города и такого племени, где бы не пустили корни иудейский закон и иудейские обычаи".

В "Прорицании Савиллы", написанном около 140 г. до Р. Х. говорится, что всякое море и всякая земля полны иудеев. Филон Александрийский цитирует письмо, якобы написанное иудейским царем Иродом Агриппой I римскому императору Калигуле, в котором говорится, что Иерусалим - столица не только Иудеи, но и большинство стран; ибо и в Египте, и в Финикии, и в Сирии, и даже еще дальше - в Памфилии и Киликии, в большей части Малой Азии до самой Вифинии и отдаленных уголков Черноморского побережья и в Европе: в Фессалии, Беотии, Македонии, Этомии, Аргосе, Коринфе - во многих лучших местах Пелопонесского полуострова - везде существуют колонии иудеев. Да и не только на материке, но и на крупнейших и важнейших островах Эвбее, Кипре, Крите - уже не говоря об областях, находящихся за рекой Евфрат - везде живут иудеи.

Иудейское рассеяние, диаспора, действительно охватывала весь мир и это сыграло чрезвычайно важную роль в распространении христианства.

2-4

Испытанные и устоявшие (Иак. 1,2-4)

Иаков никогда не внушал своим читателям мысли о том, что христианство - это легкий путь. Он предупреждал христиан, что их ждут различные искушения: в греческом это слово *пейрасмос*, значение которого мы должны хорошо понять, чтобы осознать суть христианской жизни.

Греческое *пейрасмос* - это не искушение в прямом смысле этого слова - это *испытание*; испытание с определенной целью, которая заключается в том, чтобы испытуемый стал после испытания более сильным и чистым. Соответствующий глагол *пейрацейн*, который сейчас чаще переводят как *испытывать*, имеет такое же значение и сводится не к искушению и введению в соблазн и грех, а к укреплению и очищению человека.

Так, например, греки говорили, что птенец испытывает (*пейрацейн*) свои крылья. О царице Савской сказано (3 Цар. 10,1), что она пришла, чтобы испытать (*пейрацейн*) мудрость Соломона загадками. В Библии также сказано, что Бог искушал (т.е., испытал - *пейрацейн*) Авраама, явившись ему и потребовав принести в жертву Исаака (Быт. 22,1). Когда Израиль пришел в землю обетованную, Бог не увел жившие там народы: Он оставил их, с тем, чтобы искушать (испытать - *пейрацейн*) ими Израиля в борьбе против них (Суд. 2,22; 3,1.4).

Жизненные испытания Израиля служили становлению и укреплению народа (Втор. 4,34; 7,19).

Это важная и возвышенная мысль: христиане должны быть готовы к тому, что на своем христианском пути они будут встречать испытания. Нас ждут самые разные переживания и испытания, печали и разочарования, которые могут отнять нашу веру; искушения, которые могут увести нас с пути праведного; опасности, недоверие окружающих, которое так часто приходится чувствовать по отношению к себе христианам, но все это направлено не к тому, чтобы привести нас к падению, а чтобы поднять нас выше; все это обрушивается на нас не затем, чтобы одолеть нас, а для того, чтобы мы одолели все это; все это должно не ослабить нас, а сделать нас сильными, и потому мы должны не плакать и жаловаться на эти испытания, а радоваться им. Христианин в некотором смысле похож на атлета: чем больше он тренируется (трудится), тем больше он радуется, ибо знает, что это способствует окончательному успеху. Как это выразил английский поэт Роберт Браунинг: "мы должны радоваться каждому толчку, который затрудняет движение по земле", потому что каждая преодоленная трудность - ступень на пути вверх.

Плоды испытания (Иак. 1,2-4 (продолжение))

Сам процесс испытания Иаков определяет словом *докимион*. И это очень интересное слово - со значением *чистая монета*, полновесная, неподдельная. Испытание должно очистить человека от всякой нечистоты.

Если мы правильно встретим эти испытания, они придадут нам нестигаемую *твердость*. В Библии это *терпение* (по-гречески - *хупомоне*), но терпение слишком пассивная черта характера. *Хупомоне* - это не только способность выносить и переносить, но и способность свершать великие и славные дела. Язычников на протяжении веков гонений христиан поражало, что мученики умирали с песнями, а не в отчаянии. Одного христианина, с улыбкой стоявшего среди пламени, спросили, чему он улыбается: "Я увидел славу Божию, - сказал он, - и я рад". *Хупомоне* - это черта характера, придающая человеку способность не просто выносить трудности, но и побеждать их. Правильно перенесенное испытание дает человеку силы переносить еще большее и побеждать в еще более тяжелых битвах.

Несгибаемая твердость придает человеку:

1. Совершенство. В греческом это *телейос*, что значит *целенаправленное совершенство*. Так жертвенное животное определяется как *телейос*, если оно без недостатков и может быть принесено в жертву Богу. Школьник, ученик, становится *телейос* - когда он хорошо обучен. Человек становится *телейос*, когда он совсем вырос. Выдержанное человеком испытание помогает человеку выполнить предназначенную ему на земле задачу. И это великая мысль. Сообразно тому, как мы преодолеваем выпавшие на нашу долю жизненные испытания, мы либо подготавливаем себя к выполнению возложенной на нас Богом задачи, либо становимся непригодными и неспособными к ее выполнению.

2. Полноту. В греческом это слово *холоклерос*, что значит *целый, законченный во всех частях*. Этим словом характеризуют животное, предназначенное в жертву Богу, а так же священника, который может служить Ему; это значит, что у животного или у человека нет никаких уродующих их недостатков. Несгибаемая твердость освобождает со временем человека от слабостей и недостатков его характера; помогает ему побеждать старые грехи, освобождаться от прежних недостатков и обретать добродетели, пока он не обретет способность в полной мере служить Богу и своим собратьям.

3. Полное отсутствие всяких недостатков. В греческом это *лейпесфай*; этим словом определяют победу над неприятелем, прекращение борьбы. Человек, надлежащим образом выдержавший выпавшее ему испытание, в котором день ото дня совершенствуется эта нестигаемая твердость, будет побеждать и постепенно приближаться к Самому Иисусу.

Бог дающий и человек просящий (Иак. 1,5-8)

Этот отрывок тесно связан с предыдущим. Иаков только что поведал своим читателям, что, правильно используя жизненный опыт, они обретут ту негибкую твердость, которая лежит в основе всех добродетелей. Но тут же у человека встает вопрос: "Где обрести мудрость и разум, необходимые для правильного отношения к жизненным испытаниям?" И на это Иаков отвечает: "Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков, - и дастся ему".

Из этого вытекает одно: для Иакова, христианского учителя с иудейским воспитанием и прошлым, мудрость - вещь практическая, связанная с реальной жизнью, а не с философскими рассуждениями и интеллектуальным познанием. Стоики определяли мудрость как "знание человеческого и божественного". Христианскую же мудрость люди определяли как "высшее и божественное свойство души, дающее человеку способность узнавать праведность и поступать сообразно с нею", или "душевный и умственный дар, необходимый для праведной жизни". В христианской мудрости, несомненно, присутствует и знание божественных глубин, но в сущности, она носит практический характер; она собственно, представляет собой знание божественных глубин, реализованное в принятых решениях и в личных каждодневных отношениях с людьми. Прося у Бога такой мудрости, человек должен помнить два момента.

1. Человек должен помнить, *как Бог дает*. Бог дает щедро и никогда не вспоминает об этом. "Всякая премудрость, - сказал Иисус, сын Сирахов, - от Господа, и с ним пребывает вовек" (*Сир. 1,1*). Но иудейские мудрецы хорошо понимали, что лучший в мире подарок может быть испорчен манерой, в которой он сделан. Иудеи могли многое сказать о том, как дает неумный человек: "Сын мой! при благодеяниях не делай упреков, и при всяком даре не оскорбляй словами... Не выше ли доброго даяния слово? а у человека доброжелательного - и то и другое. Глупый немилосердно укоряет, и благодеяние неблагоприятного искушает глаза" (*Сир. 18,15 - 18*). "Даяние безумного не будет тебе на пользу, ибо у него вместо одного много глаз для принятия. Немного даст он, а попрекать будет много, и раскроет уста свои, как глашатай. Ныне он взаем дает, а завтра потребует назад: ненавистен такой человек Господу и людям" (*Сир. 20,14.15*).

Есть люди дающие лишь с расчетом на то, что получают больше, чем дают; либо дающие лишь для удовлетворения своего тщеславия и чувства своего превосходства, чтобы поставить получающего в положение должника, дающие, а потом постоянно напоминающие о сделанном ими подарке. Бог же дает щедро. Греческий поэт Филемон называл Бога "любящим дары", - не в том смысле, что он любит получать их, а в том смысле, что Он любит давать. Бог не напоминает о Своих дарах, Он дает их в сиянии Своей любви, потому что это Его сущность - давать.

2. *Человек должен помнить, как нужно просить*. Человек должен просить у Бога нисколько не сомневаясь, что он получит просимое. Человек должен быть уверен в том, что Бог может дать просимое и что Он готов дать. Ум человека, просящего у Бога с чувством сомнения, подобен морским волнам, бросаемым туда и сюда случайным порывом ветра, или пробке, которую волны несут к берегу, а потом уносят в море. Такой человек идет, подобно пьяному, неровно и нетвердо, туда и сюда и никуда не приходит. Иаков очень ярко характеризует такого человека словом *динсихос*, что значит *с двойной душой или двойными мыслями*. Одна верит, а другая нет и человек является ходячей гражданской войной, в котором вера и неверие ведут отчаянную. Чтобы правильно оценить и использовать опыт жизни и очиститься, человек должен просить мудрости у Бога и помнить при этом, что Бог очень щедр и что нужно просить с верой, что Бог дает все, что Он найдет полезным и нужным нам.

Каждому свое (Иак. 1,9-11)

Иаков считал, что христианство приносит каждому человеку именно то, что ему нужно: презируемый всеми бедный обретает чувство собственного достоинства, а гордый богат познает самоунижение.

1. Христианство приносит бедняку новое чувство его собственной значимости.

а) Он узнает, что с ним считаются в Церкви. В раннехристианской Церкви вообще не существовало классовых различий. Могло быть так, что раб был пресвитером общины, проповедовать и совершать Вечерю Господню, а хозяин его был всего лишь рядовым членом церкви. В Церкви стерты социальные различия и все имеют одинаковый вес и значение.

б) Он узнает, что имеет определенное *значение в мироздании*. Христианство учит, что каждый человек в этом мире выполняет или должен выполнять определенную задачу. Каждый человек нужен Богу. И даже если он прикован к ложу страданий, его молитва может оказать воздействие на мир человеческий.

в) Он узнает, что имеет значение *в глазах Бога*. Как сказал кто-то очень давно: "Не называй никчемным никого из тех, за кого умер Христос".

2. Христианство придает богатчу новое чувство самоунижения. Богатство таит в себе огромную опасность, потому что оно дает человеку ложное чувство безопасности. Богач считает, что имеет все и может выкупить себя из любого положения, в котором ему не хочется оказаться.

Иаков рисует яркую картину хорошо знакомую жителям Палестины: после дождя в пустыне пускают ростки травы, но уже один знойный день уничтожает их совершенно, как будто бы их не было вовсе. *Иссушающий зной* (по-гречески *каусон*) - это юго-восточный ветер. Он приходил из пустынь и обдавал Палестину, подобно жару из открытой раскаленной печи. Этот ветер мог в одночасье уничтожить всю растительность.

Такова и жизнь, построенная на богатстве. Человек, возлагающий надежду на богатство, надеется на то, что в любой момент может быть унесено случайностями и переменами в жизни. Жизнь, сама по себе вещь неопределенная и ненадежная. А в мыслях у Иакова фраза из книги пророка Исаии: "Всякая плоть - трава, и вся красота ее, как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цвет, когда дует на него дуновение Господа: так и народ - трава" (*Ис. 40,6.7; ср. Пс. 102,15*).

Иаков хочет сказать вот что: если жизнь так непрочна, а человек так уязвим, бедствие и разрушение могут постигнуть его в любой момент, то глуп тот человек, который надеется на материальные ценности, богатство, которые он может потерять в любой момент. Мудро поступает тот, кто полагается на то, что он не может потерять.

Таким образом, Иаков убеждает богачей не полагаться на то, что имеет только видимость, а осознать свою человеческую беспомощность и покорно довериться Богу, Который Один может дать то, что пребывает вовек.

Венец жизни (Иак. 1,12)

Человеку, правильно встречающему испытания жизни и достойно выходящему из них, уготовано блаженство и в этом мире и в мире грядущем.

1. В этом мире человек обретает самое высокое уважение; он - *докимос*, он подобен очищенному от всяких примесей металлу; в нем искоренены все слабости характера, он вышел из испытаний сильным и чистым.

2. В жизни грядущей он получит *венец жизни*. Это выражение имеет несколько значений: в древности венец (*стефанос*) ассоциировали со следующими важными моментами:

а) Венок из цветов надевали на голову в радостные минуты жизни - на свадьбу, в праздники (*ср. Ис. 28,1,2; Песн. П. 3,11*). Венец символизировал праздничную радость.

б) Венец был знаком королевского достоинства. Венцы носили цари и люди, обладавшие царской властью; иногда это была золотая корона, иногда - полотняная лента или узкая повязка, которую носили вокруг лба (*Пс. 20,4; Иер. 13, - 18*).

в) Лавровым венком венчали победителя игр; это была высшая награда для атлета (*2 Тим. 4,8*).

г) Венец был знаком почести и достоинства. Наставления родителей могут явиться прекрасным венцом внимающим им (*Прит. 1,9*); мудрость дает человеку венец славы (*Прит. 4,9*). В период несчастья и бесчестия можно сказать: "Упал венец с головы нашей" (*Плач. 5,16*).

Нет необходимости выбирать между этими значениями - в этой фразе есть от каждого. Христианину дано *блаженство*, которого нет более ни у кого; жизнь для него, как вечный пир, ему дано *величие*, о котором другие никогда и помыслить не могут; какое бы скромное место он не занимал в жизни - он дитя Божие; он одерживает *победы*, которые другим не под силу, потому что против всех жизненных невзгод он облачен во всепобеждающую силу присутствия Иисуса Христа. Христианину дано новое *чувство собственного достоинства*, потому что он знает: Бог счел его достойным того, чтобы Иисус Христос отдал за него Свою Жизнь и принял смерть.

Какой же этот венец? Это *венец жизни*, а это значит, что этот *венец есть жизнь*. Венец христианина - это новый образ жизни, он есть настоящая жизнь: через Иисуса Христа жизнь стала более полной.

Иаков, таким образом, говорит: если христианин последовательно, с твердостью, данной ему Иисусом, выдержит ниспосланные ему испытания, жизнь его станет прекрасной, как никогда. Борьба - это путь к славе и сама борьба - тоже слава.

13-15

Обвиняющие бога (Иак. 1,13-15)

Этот отрывок навеян представлением иудеев, которым, до некоторой степени, и мы сделались должниками. Иаков укоряет тех, кто возлагает вину за искушения на Бога.

Иудейское мышление отражало внутреннюю раздвоенность человека. Этот вопрос преследовал и Павла: "По внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих" (*Рим. 7,22.23*). Человек разрывается на две части, считали иудеи, и потому пришли к заключению, что в каждом человеке присутствуют два стремления, две наклонности: *иетсер хатоб* - *хорошее стремление*, и *иетсер хара* - *греховное стремление*. Но этим проблема была лишь сформулирована, а не объяснена. Собственно даже не установлено, откуда возникают эти греховные стремления. И потому иудейские мыслители стремились объяснить это.

Автора книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова глубоко поразил вред, который причиняет это греховное стремление: "О злая мысль (*иетсер хара*)! откуда вторглась ты, чтобы покрыть землю коварством?" (*Сир. 37,3*). По его мнению греховное стремление есть порождение дьявола, единственной защитой человека против него является его воля. "Он (Господь) от начала сотворил человека, и оставил его в руке произволения его. Если хочешь, соблюдешь заповеди и сохранишь благоугодно верность" (*Сир. 15,14.15*).

Некоторые иудейские мыслители прослеживали это греховное стремление вплоть до сада

Эдема. В апокрифической книге "Жизнь Адама и Евы" рассказана такая история: дьявол обратился в ангела и, говоря через змия, внушил Еве мысль отведать запретный плод. Он также взял у нее обещание, что она предложит Адаму отведать запретный плод. "Когда он взял с меня клятву, - говорит в этой книге Ева, - он поднялся на дерево. Но в плод, который он дал мне вкусить, *он вложил яд своей злобы*, то есть, своей похоти. Ибо похоть есть начало всякого греха. И он наклонил ветвь к земле и я взяла плод и вкусила". По этой версии сам дьявол преуспел в том, чтобы вложить в человека это греховное стремление, а это греховное стремление отождествляют с плотской похотью. Дальнейшее развитие этой теории привело к тому, что в основе всякого греха лежит вожделение, которое дьявол испытывал к Еве.

В книге Еноха изложены две версии. Согласно одной, ответственность за грехи несут падшие ангелы. Согласно второй теории, человек сам несет ответственность за это. "Грех не был послан на землю, а человек сам создал его". Но каждая из этих теорий лишь относит проблему все дальше и дальше в глубь времен. Может быть дьявол действительно вложил в человека греховное стремление, может быть это сделал сам человек. Но откуда оно, в *конечном счете*, появилось?

Чтобы ответить на этот вопрос, некоторые раввины решались утверждать, что коль скоро Бог создал все, Он создал также и греховное стремление. И потому мы встречаем такие высказывания раввинов: "Бог сказал, Я сожалею, что создал греховное стремление в человеке, ибо не сделал бы Я этого, он не восстал бы против Меня. Я создал греховное стремление и Я создал закон для того, чтобы исправить это. Кто будет соблюдать закон, тот не попадет под его власть. Бог поместил доброе стремление по правую руку, а греховное - по левую". Опасность такого подхода очевидна - в конечном счете, человек может возложить на Бога вину за свои грехи. Он может заявить, как это сказано у Павла: "Не я делаю то, но живущий во мне грех" (*Рим. 7,17*).

Из всех странных теорий, самая странная та, которая возлагает ответственность за грех, в конечном счете, на Бога.

Уклонение от ответственности (Иак. 1,13-15 (продолжение))

Всегда первым стремлением человека было обвинить кого-то в совершенных им грехах. Когда Бог потребовал от Адама отчета о совершенном им грехе, Адам сказал: "Жена, которую Ты дал мне, она дала мне от дерева, и я ел". А когда Бог обвинил в совершенном Еву, она сказала: "Змей обольстил меня, и я ела". Адам сказал: "Не вини меня, вини Еву", а Ева сказала: "Не вини меня, вини змея" (*Быт. 3,12.13*). Человек всегда был мастер сваливать вину на других. Роберт Бернс писал так:

Ты знаешь, что создал меня

С сильными и дикими страстями;

И прислушиваясь к их чарующим голосам,

Я уходил с правильной дороги.

Другими словами, Роберт Бернс утверждает, что поступал так, потому что Бог создал его таким, он сваливает вину за свое поведение на Бога. Так же и люди сваливают вину за свои грехи на сограждан, на товарищей, на обстоятельства и на условия, на врожденные черты характера.

И Иаков сурово осуждает такой образ мышления. Он считает, что ответственность за грех человеческий целиком лежит на человеке, потворствующем своим порочным желаниям. Грех бессилен, если ему не к чему воззвать в самом человеке. А желания можно либо подогревать и разжигать в себе, либо подавлять и душить. Человек может контролировать свои желания и даже, по благодати Божией, совершенно избавиться от них, если сразу изберет правильный образ действий. Но он может позволить своим мыслям и ногам двигаться по определенным путям до известных мест, а глазам своим - останавливаться на определенных предметах, и

тем самым, разжигать свои желания. Человек может полностью предать себя в руки Христа и посвятить себя добрым делам, тогда у него не останется ни времени, ни случая для порочных желаний. Для праздных рук дьявол находит злые дела и уязвимы, прежде всего, неопытный ум и непросвещенное сердце. *Желание перейдет в действие.*

Иудеи верили, что грех приводит к смерти. В книге "Жизнь Адама и Евы", говорится, что в тот момент, когда Ева вкусила запретного плода, она увидела на мгновение смерть. Слово, употребленное Иаковом в ст. 15 и переведенное в Библии как *рождает* смерть, означает в оригинале *плодиться, метать икру*, и, следовательно, имеет здесь значение - грех порождает, вызывает, плодит смерть. Человек, ставший рабом своих желаний, теряет свое человеческое достоинство и опускается до уровня тупого животного, "скотины".

Этот отрывок имеет чрезвычайно важное значение потому, что Иаков указывает людям, что они сами несут ответственность за свои грехи. Никто еще не родился вовсе без желания совершить какой-нибудь дурной поступок. Но если человек будет сознательно и умышленно питать и взращивать в себе такое желание, пока оно, наконец, не станет столь чудовищно сильным, что выльется в греховное деяние, тогда человек станет на путь смерти. Эта мысль - а весь человеческий опыт показывает, что она справедлива - должна вести нас к благодати Божией, которая одна может сделать нас чистыми и сохранить нас в чистоте, а доступ к ней открыт каждому.

16-18

Божье постоянство в добре (Иак. 1,16-18)

И снова Иаков подчеркивает великую истину - всякое даяние доброе и всякий дар совершенный - от Бога. Стих 17 можно было бы перевести так: всякое даяние и всякий дар от Бога - добро. В греческом оригинале это очень интересное место. Фраза, переведенная в Библии как "всякое даяние доброе и всякий дар совершенный" представляет собой совершенный по форме стих гексаметра. Либо у Иакова было отличное чувство поэтическое ритма, либо он приводит цитату из неизвестного нам источника.

А подчеркивает он неизменность, постоянство Бога и употребляет для этого два термина из астрономии: *параллаге* (изменения) и *троне* (перемены). Оба слова обозначают видимые изменения и отклонения в движении небесных тел, изменения долготы дня и ночи, видимые отклонения траектории солнца, различия в яркости звезд и планет в разное время и т.д. Изменения и переменчивость свойственны всему сотворенному. Бог же - Создатель всего. Утренняя молитва иудеев звучит так: "Благословен Господь Бог, создавший светила". Яркость светил меняется, а Тот, Кто создал их, не меняется никогда.

Также добры и милостивы всегда Его цели. *Слово истины* - это благовествование, благая весть; Бог послал эту благую весть с тем, чтобы человек возродился для новой жизни. Это возрождение - возрождение в семью Божию и в Его владение.

В древнем мире существовал закон, по которому все первые плоды посвящались Богу и приносились Ему в жертву. Их приносили Богу в благодарственной жертве, потому что они принадлежат Ему, и потому, когда мы возрождаемся свыше благой вестью, мы переходим во владение Бога, так же как переходили в Его владение первые плоды.

Иаков утверждает, что дары и даяния Божьи не имеют ничего общего с искушением человека и они неизменно благи. Они неизменны во всех изменениях и случайностях этого меняющегося мира, и высшая цель Божия заключается в воссоздании мира через истину благой вести, чтобы люди знали, что они по праву принадлежат Ему.

19-20

Когда спешить и когда медлить (Иак. 1,19-20)

Лишь немногие умные люди понимают опасность скорых речей и нежелания слушать.

Можно составить очень интересный список дел, в которых надо быть скорым, и дел, в которых надо медлить. В "Пословицах и поговорках иудейских мудрецов" читаем: "Есть четыре типа учеников: одни быстро схватывают (слышать) и быстро забывают - их преимущество сводится к нулю их недостатком; другие медленно схватывают, но и медленно забывают - они помогают себе памятью. Третьи быстро схватывают и медленно забывают - они мудры; четвертые медленно схватывают и быстро забывают - это самые плохие ученики". Римский поэт Овидий просит людей медлить с наказанием и быть скорым на награду. Филон Александрийский просит людей быть скорыми на совершение добра другим и медлить с тем, чтобы причинить кому-либо вред.

Мудрые люди очень хорошо понимают, что не нужно торопиться говорить. Раввин Симон говорил: "Я все время рос среди мудрых и нашел, что для человека нет ничего лучшего, чем молчание. Кто умножает слова, тот совершает грех". Иисус, сын Сирахов, писал: "Будь скор к слушанию и обдуманно давай ответ. Если имеешь знание, то отвечай ближнему; а если нет, то рука твоя да будет на устах твоих. В речах - слова и бесчестие" (*Сир. 5,13-15*). Книга Притчей Соломоновых полна указаний на опасность слишком скорых речей. "При многословии не миновать греха" (*Прит. 10,19*). "Кто хранит уста свои, тот бережет душу" (*Прит. 13,3*). "И глупец, когда молчит, может показаться мудрым" (*Прит. 17,28*). "Видал ли ты человека опрометчивого в словах своих? на глупого больше надежды, чем на него" (*Прит. 29,20*).

Действительно мудрый человек скорее будет страстно прислушиваться к гласу Божьему, нежели самонадеянно, болтливо и громко высказывать со своим мнением. Уже писатели античности соглашались с этим мнением. Так, древнегреческий философ Зенон говорил: "У нас два уха и лишь одни уста, чтобы мы могли больше слушать и меньше говорить". Одному из семи греческих мудрецов приписывают такие слова: "Если ты не любишь скорых речей, ты не совершишь ошибки". Другой на вопрос, как лучше править страной, ответил: "Не гневаясь, говоря мало, но много слушая". А одному крупному языковеду сделали однажды такой комплимент: "Он может молчать на семи языках". Многим из нас было бы очень полезно больше слушать и меньше говорить.

Иаков также советует нам быть *медленными на гнев*. Очевидно, он не согласен с теми, кто допускает гневные укоры людям. Это, конечно, тоже отчасти справедливо - ведь мир стал бы намного беднее без тех, кто вспыскивает гневом при виде рецидивов греха и его тиранической природы. Но ведь люди так часто злоупотребляют этим.

Вот и *учитель* может прогневаться на медлительного, неуклюжего, а еще чаще - просто ленивого ученика. Но, терпением можно достичь большего понимания, чем резким упреком или окриком. И *проповедник* может гневно обличать. Но пусть лучше он всегда помнит хороший совет - "не брюзжать". Если каждое его слово и каждый его жест не доказывают людям, что он их любит, он потеряет всякую власть над ними и всякое влияние. Проповедь, в которой чувствуется гнев, презрение и нелюбовь, не обратит души на путь истины. И *родитель* может разгневаться, но гнев родительский часто вызывает еще более упрямое сопротивление. Нотка любви в голосе всегда оказывает большее воздействие, нежели гневная. Когда же гнев перерастает в постоянное раздражение, возмущение или придиричивое ворчание - это приносит больше вреда, чем добра.

Быть медленным на речь, быть медленным на гнев и скорым на слушание - это всегда помогает в жизни.

Способный к учению дух (Иак. 1,21)

Иаков употребляет ряд очень ярких образов и выражений. В греческом языке слово, переведенное в Библии как *отложивши*, имеет значение *снимать* в смысле *снимать одежду, обнажаться*. Другими словами, Иаков умоляет своих слушателей избавиться от всякой

скверны - нечистоты и злобы, точно так же как они снимают грязную одежду, а змея сбрасывает кожу.

Оба слова, употребленные Иаковом для обозначения *скверны*, очень выразительны: греческое слово *рупарна*, переведенное в Библии как *нечистота*, может означать нечистоту, пачкающую как одежду, так и тело. Но оно имеет одну интересную особенность: оно произведено от другого греческого слова *рунос*, которое как медицинский термин, имеет значение *серная пробка в ухе*. Вполне может статься, что это слово и в данном контексте сохраняет свое первоначальное значение. Иаков призывает слушателей освободить свои уши от всего, что мешает им воспринимать истинное Слово Божие. Серные пробки в ушах могут лишить человека слуха, а грехи человека делают ум его глухим к словам Божиим.

Иаков говорит далее о *периссейа* - о наросте порока (переведено в Библии как *остаток злобы*), подразумевая под этим порок, разросшийся и запутавшийся как молодой подлесок, или как раковое образование, которые нужно отсечь.

Иаков просит своих слушателей принять, как переведено в Библии, *насаждаемое слово* в кротости. Для *насаждаемое* в греческом оригинале стоит слово *емфутос*, которое может иметь два значения.

1. Оно может иметь значение *врожденный* в смысле *природный*, в противоположность приобретенному. Если Иаков употребил это слово в таком значении, то он имеет в виду то же, что и Павел, когда он говорил о язычниках, делающих законное по природе, потому что дело закона у них написано в сердцах (*Рим. 2,14.15*) или же понимание закона в Ветхом Завете (*Втор. 30,14*), где сказано, что заповедь эта "весьма близка к тебе; (она) в устах твоих и в сердце твоём". Практически оно равнозначно нашему слову *совесть*. Если Иаков употребил это слово в этом значении, то он хотел этим сказать, что в человеческом сердце заложено инстинктивное знание добра и зла, и его руководству мы всегда должны следовать.

2. Но и оно может иметь значение *врожденный*, в смысле *насажденный*, как семя, посаженное в землю. Если Иаков употребляет это слово в таком смысле, то, может быть, мысль его восходит к притче о сеятеле (*Мат. 13,1-8*), в которой говорится о том, как засеваются семена Слова в сердце человеческое. Бог через Своих пророков и проповедников, а в первую очередь через Иисуса Христа, засекает Свою истину в сердца людей, и человек мудрый принимает и приветствует ее.

Вполне возможно, что нам не нужно выбирать между этими двумя значениями: ведь, может быть, Иаков подразумевает, что знание истинного Слова Божия люди получают сразу из *двух* источников: из глубин нашего существа, а также, от Духа Божия через проповеди людей. И изнутри и извне идут к нам голоса, указывающие нам путь истинный; мудрый человек прислушивается к ним и следует им.

И он прислушивается к ним в *кротости*. *Кротость* - это попытка перевести непере译имое греческое слово *праутес*, которое Аристотель определил как среднее между чрезмерным гневом и полным отсутствием такового; этим словом определяется черта характера человека, полностью владеющего своими чувствами и эмоциями. Один греческий комментатор Аристотеля пишет: "*Праутес* - это умеренность в гневе... *Праутес* можно определить как ясность и силу воли не позволять захватить себя чувствам, а направлять эмоции так, как подсказывает здравый смысл". Согласно Платоновским "Определениям", *праутес* - это приведение в норму движений души, вызванных гневом.

Вряд ли можно одним словом охарактеризовать дух *понятливый и покорный* и потому достаточно *послушный*, чтобы учиться и учить. Способный к учению дух *не знает чувства возмущения и гнева*, он способен признать истину даже тогда, когда она ранит и порицает, он не ослеплен непреодолимыми *предрассудками* и не закрывает глаза на истину, его не одолевает лень, и он настолько владеет собой, что охотно овладевает учебной дисциплиной. *Праутес* - это совершенное владение человеком своей натурой и покорение той ее части,

которая может помешать видеть истину, повиноваться ей и познавать ее.

22-24

Слышать и делать (Иак. 1.22-24)

Человек, ходящий в церковь слушать чтение и толкование Слова Божия и считающий, что такое слушание уже сделало его христианином, закрывает глаза на то, что все прочитанное и услышанное в церкви следует воплотить в жизнь. И в наше время есть люди, отождествляющие посещение церкви и чтение Библии с христианством.

Иаков сравнивает такого человека с человеком, который смотрит в зеркало и видит пятна, безобразящие его лицо и растрепанные волосы, но потом спокойно отходит от зеркала и совершенно забывает о своей неприятной внешности и не предпринимает ничего для его исправления. Слушая в церкви истинное Слово Божие, человек открывает в себе свою подлинную сущность и узнает тот идеал, к которому он должен стремиться; видит все несоответствие, все отклонения и все, что нужно сделать, чтобы исправить это, но он остается слушателем, который не меняется от услышанного.

Иаков еще раз напоминает нам о том, что все услышанное в святом месте нужно воплотить в действие на рыночной площади жизни. В противном же случае - нет смысла в таком слушании.

25

Закон совершенный (Иак. 1,25)

Это одно из тех мест в Послании Иакова, которые так не любил Мартин Лютер: он вообще не любил идею о законе и был готов повторить за Павлом: "Конец закона - Христос" (*Рим. 10,4*). "Иаков, - говорит Лютер, - снова отсылает нас к закону и деяниям".

Иаков характеризует закон такими словами:

1. *Закон совершенный*. Для этого есть три основания:

а) Это закон Божий, который Он Сам дал и открыл людям. Образ жизни, заповеданный Иисусом и Его последователям, находится в полном соответствии с волей Божией.

б) Он совершен потому, что в нем ничто не может быть улучшено. Христианский закон - закон любви, а требованиям любви трудно соответствовать. Когда мы любим кого-нибудь, мы знаем, что не в состоянии любить совершенно.

в) Но христианский закон совершен еще и в другом смысле. В греческом это слово *телейос*, которое почти всегда обозначает совершенство, направленное к какой-то определенной конечной цели. Так вот, если человек соблюдает закон Христов, он исполнит свое предназначение в целях Божиих в этом мире; он будет тем человеком, каким он должен быть и он внесет надлежащий ему вклад в развитие мира и будет совершенным в том смысле, что, исполняя закон Божий, осознает установленную ему Богом судьбу.

2. *Закон свободы* - это закон, соблюдение которого дает человеку подлинную свободу. Все великие люди сходились в том, что лишь исполняя закон Божий человек может стать действительно свободным. "Повиновение Богу, - говорил Сенека, - есть свобода". "Лишь мудрый свободен, - говорили стоики, - а все глупцы рабы". А Филон Александрийский говорил: "Все, кто пребывает во власти гнева или желания или другой страсти - рабы в полном смысле слова; все, живущие по закону - свободны". Когда человек должен подчиняться своим страстям, чувствам или желаниям, он всего лишь раб. И, лишь признав волю Божию, он становится совершенно свободным, потому что тогда он свободен стать тем, кем он должен быть. Служение Ему есть совершенная свобода и в исполнении Его воли - наш мир.

26-27

Подлинное почитание Бога (Иак. 1,26.27)

Это очень важный отрывок. Слово *благочестие* (по-гречески *φρεσκεια*) означает скорее не благочестие, а *почитание Бога* в смысле внешнего проявления благочестия в ритуале и в обрядовом богослужении. Иаков собственно говорит вот что: "Самую хорошую службу Богу ты можешь сослужить, помогая бедным и оставаясь чистым от скверны". Для Иакова подлинное почитание Бога заключается не в изысканных одеяниях или прекрасной музыке или в тщательно разработанном обряде, а в практическом служении людям и в непорочном образе жизни. Бывает так, что церковная община или Церковь вообще отдают достаточно много времени и средств украшению здания и разработке богослужений. Зачастую это отнимает время и средства для практического христианского служения. Иаков осуждает такой подход.

Собственно, Иаков осуждает то, что пророки осуждали уже давно. "Бог, - сказал псалмопевец, - Отец сирот и судия вдов" (Пс. 67,6). Пророк Захария тоже жаловался на то, что люди отвернулись и ожесточили сердца свои, когда Бог Саваоф потребовал от них справедливо относиться к братьям своим, не притеснять вдов, сирот, пришельцев и бедных и не мыслить зла в сердце своем друг против друга (Зах. 7,6-10). А пророк Михей утверждал, что все обрядовые жертвоприношения не имеют никакого смысла, если человек не поступает справедливо, не любит дела милосердия и не ходит смиренно перед Богом своим (Мих. 6,6-8).

На протяжении всей истории люди пытались подменить истинное служение Богу обрядом, они заменили служение внутренним блеском церковей, пренебрегая ее действием вовне. Это вовсе не значит, что отправлять прекрасное богослужение в самой церкви является грехом; но это значит, что такое богослужение не будет иметь никакого смысла и значения, если оно не подвигает человека на то, чтобы любить Бога через своих братьев и хранить себя неоскверненными от мира.

Глава 2

1

Лицеприятие (Иак. 2,1)

Братия мои! имейте веру в Иисуса Христа нашего Господа славы, не взирая на лица.

Лицеприятие - это употребляемое в Новом Завете выражение, означающее чрезмерное и несправедливое предпочтение одних перед другими из-за их богатства, влияния или известности. Новый Завет последовательно осуждает и клеймит этот порок. Уж в этом-то иудейские ортодоксальные руководители не обвиняли Иисуса, даже они вынуждены были признать, что Он поступает и говорит нелицеприятно (Лук. 20,21; Мар. 12,14; Мат. 22,16). После посетившего его видения Петр познал, что Бог нелицеприятен (Деян. 10,34). Павел был убежден в том, что Бог одинаково судит и язычников и иудеев, потому что нет лицемерия у Бога (Рим. 2,11). И в этом Павел вновь и вновь убеждает своих читателей (Еф. 6,9; Кол. 3,25).

У греческого слова *просополемпсия* интересное происхождение. Оно происходит от выражения *просопон ламбанейн*. *Просопон* означает *лицо*, а *лампанейн* имеет значение *поднимать, возвышать, давать повышение*. Греческое выражение является буквальным переводом древнееврейской фразы. Возвышение человека проявляется в особом отношении к нему и, соответственно - противоположно *унижению кого-либо*. Первоначально это слово не имело никакой негативной окраски; оно попросту означало *приветствие человека с почетом, с особым уважением*. Пророк Малахия спрашивает, будет ли князь доволен и *благоклонно ли примет людей*, если они принесут ему в жертву животное с физическими недостатками (Мал. 1,8.9)? Слово *лицеприятие* очень скоро приобрело плохой смысл. Лицеприятием стали называть возвышение кого-либо, исходящее исключительно из социального положения этого

человека, престижа, которым он пользуется, его власти или богатства. Бог обвиняет людей в том, что они не соблюдают путей Его и *лицеприятствуют при отправлении правосудия* (Мал. 2,9). Величайшей особенностью Бога как раз и является Его нелицеприятие, равное отношение ко всем. В законе было записано: "Не делайте неправды на суде, не будь лицеприятен к нищему, и не угождай лицу великого; по правде суди ближнего твоего" (Лев. 19,15). Здесь следует отметить еще вот что: человек может быть несправедлив, заискивая перед, богатым, но может быть также несправедлив, окружая ореолом бедного. "Господь, - говорит Иисус, сын Сирахов, - есть судия, и нет у Него лицеприятия" (Сир. 35,12).

Ветхий и Новый Заветы едины в осуждении лицеприятия в системе правосудия и предпочтительного отношения к одним перед другими, являющегося результатом раболепия перед человеком, его общественным положением, богатством или мирским влиянием. И этим пороком страдают более или менее почти все люди. "Богатый и бедный встречаются друг с другом, - говорится в книге Притчей Соломона, - того и другого создал Господь" (Прит. 22,2). "Несправедливо, - говорит Иисус, сын Сирахов, - обеспечить разумного бедного, и не должно прославлять мужа грешного, если он богат" (Сир. 10,26). Надо помнить, что пресмыкание перед толпой есть такое же лицеприятие, как и пособничество тирану.

2-4

Опасность снобизма внутри церкви (Иак. 2,2-4)

Иаков предупреждает, что в Церковь может вкратиться снобизм, чувство превосходства одних над другими. Он описывает, как в христианскую общину входят два человека. Один из них хорошо одет, пальцы его украшены перстнями. Хвастливые люди в древности носили перстни на каждом пальце, за исключением среднего, и даже по несколько перстней на одном пальце. Они даже брали перстни у других и надевали их, когда хотели произвести на кого-либо впечатление своим богатством. "Мы украшаем наши пальцы кольцами, - говорит Сенека, - и на каждый сустав надеваем по драгоценному камню". Климент Александрийский рекомендует христианам носить лишь один перстень, на мизинце. На нем должна быть какая-нибудь религиозная эмблема: голубка, рыба или якорь. Ношение перстня оправдывалось тем, что его можно было использовать как печать.

Так вот, в христианскую общину входит один человек, элегантно одетый, с многочисленными перстнями, а другой вошедший - бедный, в простой одежде, потому что ему нечего больше одеть, и без всяких украшений и драгоценных камней. Богатого встречают со всякими любезностями и уважением и проводят на особое почетное место, а бедного просят постоять или устроиться на полу, около скамеечки для ног богатого.

Следует отметить, что нарисованная Иаковом картина вовсе не была преувеличением - это видно из инструкций в современных ему молитвенниках. Вот один типичный отрывок из эфиопского списка "Статуса Апостолов":

"Если войдут какие иные мужчина или женщина в прекрасных одеждах, братья из церковного прихода или из соседнего прихода, ты, священник, пока ты говоришь о Слове Божиим, или слушаешь или читаешь, не лицеприятствуй и не прерывай проповедь для того, чтобы указать им места их, но оставайся спокойным, ибо братья примут их, и если для них не будет свободных мест, из низших братьев или сестер кто поднимется со своего места и освободит место для них... А если войдет бедная женщина или бедный мужчина из церковного прихода или из соседнего прихода и для них не будет свободного места, ты, священник, со всем радушием приготовь место таким людям, даже если тебе придется усестись на землю, ибо ты воздаешь уважение не человеку, а Богу".

И вот Иаков рисует подобную картину. Более того, он допускает, что проповедующий может приостановить службу при входе богатого человека и проводить его на особое место.

Вне всякого сомнения, в раннехристианской Церкви должны были возникнуть проблемы

социального характера: ведь Церковь была единственным местом в древнем мире, где не существовало социальных различий. Должно быть, хозяин чувствовал себя не очень удобно, если ему приходилось сидеть рядом со своим рабом, или, если он приходил на богослужение, которое вел его раб. Пропасть между рабом, бывшим по закону всего лишь живым орудием, и хозяином, была настолько большой, что это могло вызвать трудности в сближении с обеих сторон. Кроме того, в эпоху своего зарождения Церковь была преимущественно бедной и простой, и поэтому, если богатый человек обращался ко Христу и примыкал к христианскому братству, у людей могло возникнуть желание сделать из него нечто особенное и видеть в нем особое приобретение для Христа.

Церковь должна быть тем местом, где стерты все различия. Когда люди встречаются в присутствии Царя славы, различия в чинах и заслугах должны исчезать. В присутствии Бога все земные различия значат меньше, чем прах, а земная праведность - меньше, чем презренные лохмотья. В присутствии Бога все люди равны.

Стих 4 представляет трудность для перевода. Греческое слово *дискрифете* имеет два значения.

1. Оно может значить: "Вы неустойчивы в ваших суждениях, если вы так поступаете", другими словами: "Если вы оказываете особые почести богатым, вы не видите разницы между мирскими мерилami и мерилami Божьими и не можете решить, которым же следовать".

2. Оно может значить: "Вы повинны в том, что признаете классовые различия, которых в христианском братстве не должно быть".

Нам представляется более уместным второе значение, потому что Иаков говорит далее: "Если вы так поступаете, вы становитесь судьями с худыми мыслями". Другими словами: "Вы нарушаете завет Того, Кто сказал: "Не судите, да не судимы будете" (*Мат. 7,1*).

5-7

Сокровища нищеты и нищета богатства (Иак. 2,5-7)

"Бог, - говорил Авраам Линкольн, - должен любить простых людей, потому что он создал их". Христианство всегда несло особую весть бедным. В Своей первой проповеди в синагоге Назарета Иисус сказал: "Он помазал Меня благовествовать нищим" (*Лук. 4,18*). На трудный вопрос Иоанна Крестителя Тот ли Он, Который должен придти, Помазанник Божий, Иисус ответил: "Нищим проповедуется благая весть" (*Мат. 11,5*). Первое из блаженств: "Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное" (*Мат. 5,3*). А у Луки это выражено еще более определенно: "Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие" (*Лук. 6,20*). Когда Иисус был изгнан из синагог и проповедовал благую весть по большим дорогам, на горах и у берега моря, Он обращался к толпам простых людей. И в эпоху зарождения христианской Церкви бродячие проповедники обращали свои проповеди в первую очередь к массе простых людей. Христианская благая весть, в сущности, заключается в том, что тот, кто ни для кого ничего не значит, имеет большое значение для Бога. "Посмотрите, братья, кто вы призванные, - писал Павел, - не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных" (*1 Кор. 1,26*).

Евангелие так много давало бедным, а от богатых столь много требовало, что в Церковь пришли как раз толпы бедных. Ведь именно простые люди с радостью слушали Иисуса, а богатый молодой человек ушел опечаленный, потому что был обладателем больших богатств. Иаков вовсе не закрывает двери Церкви перед богатыми, но он говорит, что Христова Благая Весть особенно дорога бедным людям. Она обращена к тем, к которым никто не обращается, и поэтому ей, прежде всего, внимают те, которых мир не ставит и в грош.

В обществе, в котором жил Иаков, богатые угнетали бедных. Они подавали на бедных в суд

за их долги. Люди, стоявшие в самом низу социальной лестницы, были настолько бедны, что им едва хватало на жизнь, а заимодавцев было много и деньги они давали под грабительские проценты. В античном мире человека можно было арестовать без всякого ордера или постановления суда. Кредитор мог, встретив на улице своего должника, схватить его и, в буквальном смысле слова, "тащить" в суд. Вот так богатые и поступали по отношению к бедным; у них не было никакого сочувствия к людям, но только одна цель: отнять у человека последний грош. Иаков ненавидит поведение богача: такой богач бесчестит имя, которым называют христиан.

Христианами впервые стали и в насмешку называть последователей Христа в Антиохии, может быть, потому что в день крещения над христианином произносили имя Христа. Иаков при этом употребляет слово *επισαλεισφαι*, переведенное в Библии: *называется*, причем этим словом у греков обозначался факт принятия вышедшей замуж женщины имени ее мужа. Это же слово употреблялось тогда, когда ребенку давалось имя отца. Христианин принимает имя Христа крещением во имя Его. Крещение подобно вступлению в брак со Христом или же рождению и крещению в семью Христову. У богатых людей и господ должно было быть много причин бесславить имя христиан: раб, ставший христианином, обретал новую *независимость*; он больше не чувствовал трепета перед властью хозяина, наказания больше не пугали его и он смотрел в лицо хозяину, облаченный новым мужеством.

Он обретал новую *честность*. Он становился лучшим слугой, но, вместе с тем, он не хотел более служить орудием в мошенничествах и мелких интригах своего хозяина; он обретал *новое чувство почитания Бога* и настаивал на том, чтобы оставить работу в воскресенье, с тем, чтобы иметь возможность вместе с другими божьими людьми поклоняться Богу. У хозяина-рабовладельца, действительно, было достаточно поводов бесчестить имя христиан и проклинать имя Христа.

8-11

Царский закон (Иак. 2,8-11)

Иаков осуждал тех, кто оказывает особое внимание принявшему христианство богачу. "Но, - могут возразить Иакову, - закон учит меня любить ближнего, как самого себя, и потому мы обязаны приветствовать человека, входящего в церковь". "Отлично, - отвечает Иаков, - если вы действительно приветствуете такого человека потому, что любите его как самого себя, и оказываете такой же радушный прием, какой хотели бы встретить сами, это прекрасно. Но если вы оказываете ему особое радушие только потому, что он богат - это лицепрятие, грех и нарушение закона. Здесь нет ничего общего с соблюдением закона. Вы вовсе не любите своего ближнего, иначе бы вы не относились так пренебрежительно к бедняку. Так любят богатство, а закон против этого.

Великую заповедь "возлюби ближнего как самого себя" Иаков называет *царским законом*. Это выражение может иметь несколько значений. Оно может иметь значение *закон высшего качества*; оно может иметь значение *закон, данный Царем царей*; оно может иметь значение *царь всех законов*; оно может иметь значение *закон, делающий людей царями и пригодный для царей*. Исполнение этого величайшего закона делает человека царем над собой и царем среди людей. Это закон для царей и этот закон может сделать человека царем.

Далее Иаков излагает величайший принцип относительно закона Божия: нарушение любой части закона есть нарушение всего закона. Иудеи были вполне склонны видеть в законе ряд несвязанных между собой заповедей. Соблюдение одной засчитывается человеку в плюс, нарушение другой засчитывается ему в минус. Человек, по мнению иудеев, мог соблюдать одни заповеди и заслужить за это похвалу, в то время как несоблюдение других заповедей увеличивало, так сказать, его "штрафные очки". Сложив одни и вычтя другие, человек, по мнению некоторых учителей, мог оказаться в выигрыше. Существовала такая раввинская поговорка: "Благо тому, кто соблюдает один закон; дни его будут продлены и он унаследует

землю (обетованную)". Многие раввины также считали, "что заповедь о субботе значит больше, чем все остальные" и потому соблюдение субботы отождествлялось с соблюдением закона.

Иаков же видит волю Божию во всем законе; нарушение любой его части есть преступление этой воли и, следовательно, грех. И это совершенно верно: человек, нарушивший любую часть закона, попросту становится грешником. Даже по человеческим нормам человек, нарушивший один закон, становится преступником. И потому Иаков утверждает: "Какими бы хорошими вы ни были в других отношениях, если относитесь к людям лицемерно, вы поступаете против воли Божией и являетесь грешником".

В этом великая истина, которая и сегодня имеет такой же вес, как и в старину. Человек может быть хорошим почти во всех отношениях, но погубить свою добродетель одним проступком. Человек может быть высоконравственным в своих делах, чистым в своих речах и щепетильным в своей преданности, но если он при этом суров, самоуверен, негибок и черств, то добродетель его погублена.

И поэтому не будем забывать, что, хотя мы и можем утверждать, будто мы сделали много хороших дел и устояли против многих плохих, но в нас может быть нечто, что испортит все.

12-13

Закон свободы и милосердие (Иак. 2,12-13)

Заканчивая свою мысль, Иаков обращает внимание своих читателей на два важных факта христианской жизни:

1. Христианин живет по закону свободы и судим он будет по закону свободы. Под этим Иаков подразумевает следующее: в отличие от фарисея и ортодоксального иудея христианин живет не по комплексу давящих на него извне норм и требований, а по внутренним требованиям любви; он идет по правильному пути - по пути любви к Богу и к людям вовсе не потому, что его принуждает к этому какой-то внешний закон или из страха наказания, а потому что пребывающая в нем любовь Христа побуждает его к этому.

2. Христианин должен всегда помнить, что на милосердие может уповать лишь тот, кто сам проявляет милосердие. Этот принцип проходит красной нитью через Священное Писание. Иисус, сын Сирахов, писал: "прости ближнему твоему обиду, и тогда по молитве твоей отпустятся грехи твои. Человек питает гнев к человеку, а у Господа просит прощения; к подобному себе человеку не имеет милосердия, и молится о грехах своих. Сам, будучи плотью, питает злобу: кто очистит грехи его?" (*Сир.* 28,2-5). Иисус Христос говорил: "Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут" (*Мат.* 5,7). "Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших" (*Мат.* 6,14.15). "Не судите, да не судимы будете. Ибо каким судом судите, таким будете судимы" (*Мат.* 7,1.2). Иисус рассказал о наказании, постигшем раба, не захотевшего простить своего должника, и закончил притчу такими словами: "Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его" (*Мат.* 18,35).

Писание единодушно в том, что человек, рассчитывающий на милосердие, сам должен быть милосердным. А Иаков идет даже дальше этого, заявляя в конце, что милосердие торжествует над правосудием; под этим он подразумевает, что в Судный день человек, проявивший милосердие, осознает, что его милосердие изгладило даже грехи его.

14-26

Вера и человеческие дела (Иак. 2,14-26)

Прежде, чем мы приступим к детальному изучению этого отрывка, мы должны рассмотреть его целиком, потому что этот отрывок часто используют для того, чтобы

показать будто Иаков и Павел по-разному смотрели на один и тот же вопрос. Совершенно очевидно, что Павел делает ударение на том, что человек будет спасен лишь верой одной, и что свершения его при этом вовсе не будут иметь никакого значения. "Ибо мы признаем, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона" (*Рим. 3,28*). "Человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа...ибо делами закона не оправдается никакая плоть" (*Гал. 2,16*). Часто утверждают, будто Иаков не просто высказывает другую точку зрения, а прямо возражает Павлу. Вот это-то мы и должны рассмотреть.

1. Для начала отметим, что Иаков ставит те же акценты, которые можно встретить во всем Новом Завете. Уже Иоанн Креститель проповедовал, что человек может доказать подлинность своего раскаяния лишь достойными свершениями (*Мат. 3,8; Лук. 3,8*). Иисус Христос проповедовал, что человек должен жить так, чтобы все видели его добрые дела и прославляли Отца Небесного (*Мат. 5,16*). Иисус настаивал на том, что человек узнается по плодам его и что веру, выраженную лишь в словах, никаким образом нельзя поставить вровень с верой, выраженной в делах, в исполнении воли Божией (*Мат. 7,15-21*). Да и Павел не оставлял этот аспект без внимания. Какие бы общетеоретические и богословские проблемы Павел ни рассматривал в своих Посланиях, он всегда настаивал на том, что христианство проявляется в делах. Кроме того, Павел неоднократно подчеркивал значение добрых дел в христианской жизни. Он говорит, что Бог каждому воздаст по делам его (*Рим. 2,6*), что каждый из нас за себя должен дать отчет Богу (*Рим. 14,12*). Он призывает людей отвергнуть дела тьмы и облечься в оружие света (*Рим. 13,12*). "Каждый получит свою награду по своему труду" (*1 Кор. 3,8*); все должны явиться пред судилище Христово и каждый получит соответственно по тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое (*2 Кор. 5,10*). Христианин должен избавиться от своей старой природы и всех ее дел (*Кол. 3,9*).

Мысль о том, что христианство человека должно проявляться в его поведении, как часть его христианской веры, проходит красной нитью через весь Новый Завет.

2. И, тем не менее, читая Послание Иакова, складывается впечатление, что он придерживается иного, чем Павел, мнения, ибо, несмотря на приведенные нами мотивы, Павел делает главное ударение на благодати и вере, а Иаков - на делах и свершениях. Но надо отметить вот что - Иаков осуждает не точку зрения Павла, а ее извращение. Позиция Павла, сведенная к одному предложению, была следующей: "Веруй в Иисуса Христа и спасешься" (*Деян. 16,31*). Но совершенно очевидно, что содержание этой фразы полностью зависит от содержания вкладываемого в слово "веруй". Веровать можно по-разному.

Вера может быть чисто умозрительной. Так, например, я верю, что квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника равен сумме квадратов катетов, и, если надо, я могу доказать это, но в моей жизни от этого ничего не меняется, я принимаю это, но это не оказывает никакого влияния на мою жизнь и на мои поступки. Но есть и другая вера: я верю, что $5+5=10$ и не заплачу более десяти рублей за две плитки шоколада стоимостью пять рублей каждая - я не просто понимаю и помню этот факт, а поступаю соответственно.

Иаков возражает против веры первого типа, против того, чтобы приняв факт, не позволять ему оказывать какое-либо влияние на свою жизнь. Бесы в своем уме убеждены в существовании Бога; они даже приходят в дрожь от мысли о Нем, но их вера ничего не меняет в них. Павел же имел в виду веру второго типа. Для него вера в Иисуса значила переводить эту веру во все сферы жизни и жить соответственно.

Нетрудно извратить точку зрения Павла и выхолостить подлинное значение слова вера. Иаков ополчается не против учения Павла, а против извращающего ее варианта. Он осуждает вероисповедание, не проявляющееся в будничной жизни, а такое осуждение вполне поддержал бы и Павел.

3. Но даже с учетом этого, надо подчеркнуть еще одно различие между Иаковом и Павлом -

они начинали в различные эпохи становления христианской жизни. Павел, стоявший у истоков, утверждал, что ни один человек не может заслужить Божьего прощения: инициатива должна исходить от добровольной благодати Божией, человек может лишь принять прощение, предложенное ему в Иисусе Христе.

Иаков же начинал много позже, в эпоху *исповедующих христиан*, людей, утверждавших, что они уже получили прощение и вступили в новые отношения с Богом. Такие люди, справедливо говорит Иаков, должны вести новый образ жизни, потому что они новые создания. Они прощены, теперь они должны показать, что стали *святыми*. А с этим Павел был бы совершенно согласен.

Но остается фактом, что никто не может спастись делами рук своих, но точно также никто не может спастись, не совершая добрых дел. Лучшей аналогией здесь может служить человеческая любовь. Любимый человек всегда уверен в том, что он не достоин быть любимым, и, в то же время, он уверен в том, что должен посвятить этому свою жизнь - стать достойным этой любви.

Различие между Иаковом и Павлом сводится к различию в отправной точке. Павел начинает с фундаментального факта. Ни один человек не может заработать или заслужить прощения Божьего, говорит он. Иаков же отталкивается от исповедующих христиан и настаивает на том, что человек должен показать и доказать свое христианство своими делами. Мы спасаемся *не делами*, мы спасены *для дел* - вот двойная истина христианской жизни. Павел делает ударение на первой, а Иаков - на второй половине. Они, в сущности, не противоречат друг другу, а дополняют друг друга; весть каждого из них имеет громадное значение для христианской веры. Пусть каждый, у кого есть такая вера и надежда, воплотит их в дела.

Вероисповедание и жизненная практика (Иак. 2,14-17)

Иаков не принимает вероисповедания, которое не проявляется в жизненной практике. В подтверждение своей мысли, он приводит яркую иллюстрацию: предположим, что у человека нет одежды, которая защищала бы его от холода, нет пищи для пропитания, а его друг выражает ему свое искреннее сочувствие и этим ограничивается, не попробовав даже облегчить положение несчастного. Какая от этого польза? Какой смысл в сочувствии, если оно не подкреплено стремлением воплотить его в практические дела? Вера без дел мертва. Этот отрывок особенно много говорил иудею.

1. Благотворительность была для иудея делом первостепенной важности, настолько важным, что благотворительность и праведность значили для него одно и то же. Считалось, что, когда человек придет на суд Божий, он сможет в качестве защиты и самооправдания сослаться только на оказанную им при жизни благотворительность. "Вера угасит пламень греха, - писал Иисус, сын Сирахов, - и милостыня очистит грехи" (*Сир. 3,30*). В книге Товит читаем: "Ни от какого нищего не отвращай лица твоего, тогда и от тебя не отвратится лице Божие" (*Тов. 4,7*). Когда руководители иерусалимской церкви одобрили обращение Павла к язычникам, они дали ему только один наказ: не забывать бедных (*Гал. 2,10*). Этот призыв оказывать практическую помощь людям стал одной из самых великих и прекрасных сторон иудейской набожности.

2. Греческая религия не содержала особо выраженного пафоса сочувствия и благотворительности: греческие стоики стремились к апатии, полному отсутствию всяких чувств; целью их жизни была безмятежность; путь к совершенному спокойствию стоики искали в полном уходе от всех чувств; в жалости стоики видели лишь нарушение беспристрастного философского спокойствия, к которому нужно стремиться. Эпиктет говорил, что лишь тот, кто повинуется божественным заповедям, никогда не почувствует ни печали, ни жалости ("Беседы" 3,24.43). Римский поэт Вергилий, рисуя в "Георгиках" (2,498) портрет совершенно счастливого человека, не питает никакой жалости к бедняку и

никакого сочувствия к страдающему, потому что такие чувства нарушили бы безмятежность. Это является полной противоположностью иудейской точке зрения. Стоики отождествляли блаженство с беспристрастностью и спокойствием, иудеи же отождествляли его с активным сопереживанием в несчастьях других.

3. Иаков глубоко прав: самое страшное для человека то, что он, вновь и вновь, испытывая благородные порывы и чувства, не попытается привести свои поступки в соответствие с этими порывами. И потому каждый раз уменьшается вероятность того, что он вообще будет способен так поступать. Можно даже сказать, что человек не имеет права испытывать сочувствия, если он, по крайней мере, не попытается воплотить его в дела. Чувства - это то, что нужно воплотить в жизнь ценой усилий и труда, ценой самодисциплины и жертв.

Не "то или другое", а "то и другое" (Иак. 2,18.19)

Иаков представляет себе, как кто-то возражает ему: "Вера - прекрасная вещь, но и дела прекрасны. И то, и другое - подлинное проявление настоящей веры. Но ведь не у каждого человека есть и то и другое вместе. У одного, может быть, есть вера, а у другого - дела. Кто-то проявляет себя в делах, а кто-то имеет веру. И каждый из них будет по-своему искренно религиозным". Оппонент считает веру и дела равноценными проявлениями христианской религии. Но Иакова не устраивает то или другое порознь; он считает, что проблема состоит не в наличии или отсутствии *веры* или *дел*. Проблема состоит в том, что религиозность обязательно должна включать *и веру и дела*.

Вообще, христианство часто представляют в неверном свете, как религию "того или этого", но она должна быть религией и "того и другого".

1. В гармоничной жизни должно быть место и *мысли*, и *действию*. Обычно считают одного человека *мыслящим человеком*, а другого - *человеком действия*. Мыслящего человека представляют высиживающим в своем кабинете великие идеи, а человека действия - совершающим в обществе великие дела. Но все это не так. Мыслитель только наполовину человек, если он не воплощает свои идеи в дела. Он едва ли сможет подвигнуть других людей на какие-либо свершения, если сам не выйдет на поле битвы и не примет участие в борьбе. Как сказал Киплинг:

О, Англия - это сад.

А такие сады не делаются словом

"О, как красиво!", сидя в тени.

Потому что люди, лучшие чем мы,

Начали свою трудовую жизнь,

Взяв сломанные кухонные ножи,

Выкапывая сорняки на садовых дорожках.

Никто также не может стать настоящим человеком действия, предварительно не продумав те великие принципы, на которых основываются его дела.

2. В гармоничной жизни должно быть место и *молитве*, и *усилию*. Большой соблазн сокрыт в делении людей на две группы - на святых, проводящих свою жизнь коленопреклоненно в уединении и постоянной молитве, и тружеников, работающих все дни в пыли и в жаре. Но и эта картина не будет верной.

Говорят, что Мартин Лютер близко дружил с одним монахом, таким же убежденным сторонником Реформации, как сам Лютер, и они договорились, что Лютер отправится в мир и будет вести борьбу там, а второй - останется в келье и будет молиться за успех Лютера. Но однажды ночью монах увидел во сне одинокого жнеца на необъятном поле за невыполнимой работой. Жнец обернулся, и монах узнал в нем Мартина Лютера и он понял, что должен

оставить келью и молитвы, чтобы пойти на помощь ему. Правда, есть и такие люди, которые из-за своего возраста или физической слабости могут только молиться, и их молитва действительно помогает другим и дает им силы. Но если здоровый и сильный человек считает, будто молитвы могут заменить усилия, то такие рассуждения лишь отговорка. Молитва и усилия должны идти рука об руку.

3. Во всякой уравновешенной жизни должны быть *и вера и дела*. Вера может проявиться и утвердиться в делах. И лишь в вере можно решиться на дела и совершать их. Вера должна перейти в действие, ибо действие начинается лишь тогда, когда у человека есть вера.

Испытание и доказательство веры (Иак. 2,20-26)

В подтверждение своей точки зрения Иаков приводит два примера: Авраам - величайший пример веры; Авраам доказал свою готовность принести в жертву Исаака, когда Бог испытывал его. Раав также была знаменитой героиней иудейских легенд. Она дала убежище соглядатаям, посланным высмотреть все в земле обетованной (*Иис. Н. 2,1-21*). В более поздних легендах говорится, что она стала прозелиткой иудейской веры, вышла замуж за Иисуса Навина и была прямым предком многих священников и пророков, в том числе Иезекииля и Иеремии. Своим поступком по отношению к соглядатаям она доказала свою веру.

Здесь прав и Павел, и Иаков. Если бы у Авраама не было веры, он не последовал бы Божьему призыву. Если бы у Раав не было веры, она никогда не рискнула бы связать свою судьбу с судьбой Израиля. И все же, если бы Авраам не был готов повиноваться Богу абсолютно во всем, его вера не была бы настоящей; а если бы Раав не рискнула всем, ее вера была бы тщетной.

Эти два примера показывают, что вера и дела не исключают друг друга; напротив - они нераздельны. Ни один человек не начнет действовать, если у него нет веры, а вера человека - тщетна, если она не подвигает его к действию. Вера и дела - это две стороны познания человеком Бога.

Глава 3

1

Опасность, грозящая учителю (Иак. 3,1)

В раннехристианской Церкви учителя играли очень важную роль. Везде, где они упоминаются, им воздаются почести. В антиохийской церкви они стоят наравне с пророками, пославшими Павла и Варнаву в первое миссионерское путешествие (*Деян. 13,1*). В приведенном Павлом перечне учителя идут сразу за апостолами и пророками (*1 Кор. 12,28; ср. Еф. 4,11*). Апостолы и пророки никогда не сидели на одном месте., их полем деятельности была вся Церковь и они никогда не задерживались долго в одной общине. Учителя же работали в общине и с общиной. Потому они имели особый вес. Новообращенные переходили к ним для попечения, наставления в христианской благой вести и в христианской вере. На учителя лежала ответственность, потому что именно он должен был укрепить новообращенного в вере.

В самом Новом Завете можно видеть учителей, не оправдавших возложенной на них ответственности и ставших лжеучителями. Были учителя, которые пытались обратить христианство в разновидность иудаизма, ввести обрезание и соблюдение закона (*Деян. 15,24*). Были и такие, которые жили вовсе не так, как они учили жить других и лишь бесчестили веру, в которой наставляли других (*Рим. 2,17-19*). Были и такие, которые пытались наставлять других, хотя сами ничего не знали (*1 Тим. 1,6.7*) или потакали прихотям толпы (*2 Тим. 4,3*).

Но, даже безотносительно к фактам лжеучения, Иаков считает наставничество занятием

опасным для всякого человека, потому что его орудием является речь, а инструментом - язык. Иаков хочет еще раз подчеркнуть лежащую на учителе ответственность и опасность, таящуюся в находящихся в его распоряжении средствах.

Учитель в христианской Церкви принимал рискованное наследство: он занимал место, которое в иудейской религии занимал раввин. Среди раввинов было много святых и великих учителей. Обращение к раввину звучало - "мой великий". Куда бы он ни приходил, к нему везде обращались с крайним уважением. Считалось даже, что обязательства человека по отношению к раввину стоят выше обязательств по отношению к собственным родителям, потому что родители дали ему лишь жизнь в этом мире, учитель же дает жизнь в мире грядущем. Говорили даже, что если ваши родители и ваш учитель попали в плен - сначала должен быть выкуплен учитель. Учитель не имел права брать деньги за свои наставления и считалось, что для удовлетворения своих физических потребностей раввин должен был заниматься ремеслом, но считалось также, что взять раввина в свой дом и обеспечить его всем необходимым - очень набожное и похвальное дело. И потому раввин очень просто мог стать таким человеком, каким его описал Иисус: духовным тираном, показным образцом набожности, любителем занять самое высокое и почетное место на пирах и в синагогах, окружая себя почти раболепным почетом в общественных местах (*Мат. 23,4-7*). Каждому учителю грозит опасность превратится в "оракула". Эти люди больше всего подвержены интеллектуальной и духовной гордыне.

По своему положению учитель учит как маленьких детей, так и детей в вере. Всю жизнь ему грозят две опасности, против которых он должен постоянно бороться. Он должен быть очень внимательным, чтобы учить истине, а не своей точке зрения или даже своим предрассудкам. Ведь это чрезвычайно просто - извратить истину и учить не истине Божией, а своей версии этой истины. Учитель должен также обратить особое внимание на то, чтобы своей жизнью не противоречить своему учению, чтобы иметь право говорить: "делай, как я делаю", а не "делай, как я говорю". Жизнь учителя не должна противоречить тем истинам, которые преподает учитель ученикам или студентам. Как говорили сами иудейские раввины: "В основе лежит не учение, а поступок, а кто умножает слова, тот умножает грех".

Иаков предупреждает, что учитель по своей доброй воле выбрал эту стезю и, если он не оправдает связанные с нею ожидания, его ждет еще большее осуждение. Люди, которым писал Иаков, добивались учительства и связанного с ним почета; Иаков напоминает им, что они должны не забывать связанной с этим ответственности.

2

Опасность, грозящая каждому (Иак. 3,2)

Иаков излагает две идеи, которыми были пропитаны иудейское мышление и литература.

1. Нет в мире человека, который бы не согрешал в чем-нибудь. При этом Иаков употребляет глагол со значением *поскользнуться*. "Жизнь, - сказал некто, - усеяна картофельными очистками". Ведь люди часто грешат не преднамеренно, а потому что поскользнулись в жизни, забыв об осторожности. Эта мысль о всеобщем характере греха проходит красной нитью через всю Библию. "Нет праведного ни одного", - цитирует Павел. "Потому что все согрешили и лишены славы Божией" (*Рим. 3,10.23*). "Если говорим, что не имеем греха, - говорит Иоанн, - обманываем самих себя, и истины нет в нас" (*1 Иоан. 1,8*). "Нет человека праведного на земле, который бы делал добро и не грешил бы" (*Екк. 7,20*). "Поистине, нет никого из рожденных, - гласит древнеиудейская мудрость, - кто не поступил бы нечестиво, и из исповедующих Тебя нет никого, кто не согрешил бы" (*3 Езд. 8,35*). Человеку нечем гордиться, потому что нет на земле такого, на котором не было бы пятна, которого он должен стыдиться. И древние языческие авторы были тоже убеждены в греховности человека. "Человеку свойственно грешить как в частной, так и общественной жизни", - сказал Фукидид. "Мы грешим все, - сказал Сенека, - одни тяжелее, другие легче".

2. Проще всего согрешить языком. Такой грех может иметь самые серьезные последствия. И эта мысль получила широкое отражение в иудейском мировоззрении. Иисус предупреждал людей, что они должны будут дать отчет за каждое произнесенное ими слово. "От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься" (*Мат. 12,36.37*). "Кроткий ответ отвращает гнев; а оскорбительное слово возбуждает ярость... Кроткий язык - древо жизни, но необузданный - сокрушение духа" (*Прит. 15,1-4*).

Самое большое впечатление произвели ужасные возможности языка на иудейского автора Иисуса, сына Сирахова. "В речах - слава и бесчестие, и язык человека бывает падением ему. Не прослыви наушником, и не коварствуй языком твоим; ибо на воре - стыд, а на двуязычном - злое порицание... Не делайся врагом из друга: ибо худое имя получает в удел стыд и позор; так и грешник двуязычный" (*Сир. 5,15-6,1*). "Блажен человек, который не погрешал устами своими" (*Сир. 14,1*). "Кто не погрешал языком своим?" (*Сир. 19,17*). "Кто даст мне стражу к устам моим и печать благоразумия на уста мои, чтобы мне не пасть чрез них, и чтобы язык мой не погубил меня!" (*Сир. 22,31*).

У него есть еще один отрывок, столь благородный и страстный, что его стоит привести целиком:

"Наушник и двуязычный да будут прокляты; ибо они погубили многих, живших в тишине.

Язык третий многих поколебал, и изгонял их от народа к народу,

и разорял укрепленные города, и ниспровергал дома вельмож.

Язык третий изгнал доблестных жен и лишил их трудов их.

Внимающий ему не найдет покоя и не будет жить в тишине.

Удар бича делает рубцы, а удар языка сокрушит кости. Многие пали от острия меча, но не столько, сколько павших от языка.

Счастлив, кто укрылся от него, кто не испытал ярости его, кто не влачил ярма его и не связан был узами его.

Ибо ярмо его - ярмо железное, и узы его - узы медные.

Смерть лютая - смерть его, и самый ад лучше его...

Смотри, огради владение твое терновником, свяжи серебро твое и золото.

И для слов твоих сделай вес и меру, и для уст твоих дверь и запор.

Берегись, чтобы не споткнуться ими и не пасть перед злоумышляющим"

(*Сир. 28,15-30*).

3-5

Мал, но много делает (Иак. 3,3-5а)

Могут возразить Иакову, что язык довольно мал, чтобы так много говорить о нем и придавать ему такое большое значение. Чтобы опровергнуть такой аргумент, Иаков приводит два примера:

1. Мы вкладываем лошадям в рот удила, потому что мы знаем: так мы сможем управлять всей лошадью. Иаков хочет этим сказать, что если мы научимся контролировать свой язык, мы сможем управлять всем своим телом, но стоит потерять контроль над языком - вся жизнь пойдет в неправильном направлении.

2. Руль невелик по сравнению с размерами судна, и, тем не менее, оказывая давление на этот небольшой руль, рулевой может изменить направление движения судна и привести его в безопасное место. Еще задолго до того эту же метафору использовал Аристотель в рассуждении о механике: "Руль невелик сам по себе, и он закреплен на самом конце судна, но

этот небольшой руль обладает такой мощью, что усилием одного человека, и даже очень легким усилием, можно сдвинуть всю огромную массу судна". Язык тоже невелик, но он может направлять весь ход жизни человека.

Филон Александрийский называл мозг возникшим и рулевым жизни человека; жизнь человека в безопасности, если мозг контролирует каждое слово, а сам он направляется Христом.

Иаков вовсе не говорит, что молчание лучше слов. Он ратует за контроль над языком. Один древний грек Аристипп оставил мудрое изречение: "Не тот человек победил наслаждение, который никогда не пользуется им, а тот, кто пользуется наслаждением так, как наездник, управляющий лошадью, или рулевой, направляющий судно, и направляет эти наслаждения так и туда, куда он хочет". Воздержание от чего-нибудь - это вовсе не полный контроль над ним и над собой. Иаков ратует не за трусливое молчание, а за мудрую речь.

Комментарии ко второй половине *стиха 5* смотрите в следующем разделе.

6

Разрушительный огонь (Иак. 3,5б.6)

Язык может причинить такой же ущерб, как огонь. Картина лесного пожара часто встречается в Библии. Псалмопевец молит Бога о том, чтобы Он сделал порочных людей подобными пыли в вихре и соломе под ветром, чтобы Он бурей Своею уничтожил их, как огонь сжигает лес и пламя опалает горы (*Пс. 82,14,15*). Исаия говорит: "Беззаконие, как огонь, разгорелось, пожирает терновник и колючий кустарник, и пылает в чащах леса" (*Ис. 9,18*). Пророк Захария это представляет как "жаровню с огнем между дровами и как горящий светильник среди снопов" (*Зах. 12,6*). Эта картина была хорошо знакома палестинским иудеям. В сухое время года скудная трава и колючий низкорослый кустарник были сухи, как трут. Если они загорались, огонь распространялся вместе с ветром, и его ничем нельзя было остановить.

Сравнение языка с огнем тоже было типично для иудеев. "Человек лукавый замышляет зло, и на устах его как бы огонь палящий" (*Прит. 16,27*). "Если подуешь на искру, она разгорится, а если плюнешь на нее, угаснет: и то и другое выходит из уст твоих" (*Сир. 28,14*). Вред, причиняемый языком, можно сравнивать с ущербом, причиняемым огнем вот почему:

1. Ему нипочем большие расстояния: язык может причинить вред на расстоянии. Случайно оброненное слово может совершенно неожиданно причинить кому-то боль и огорчение. У раввинов была такая поговорка: "Жизнь и смерть находятся в руках у языка". Рука убивает только на близком расстоянии, а язык называют стрелой, потому что он убивает и на большом расстоянии. О языке сказано: "Поднимают к небесам уста свои, и язык их расхаживает по земле" (*Пс. 72,9*). Вот в этом-то и заключается опасность языка. Удар человека можно отразить рукой, потому что нападающий должен быть рядом, но пущенное дурное слово или выдуманная история о человеке могут причинить ему непоправимый вред.

2. Развязанный язык не поддается контролю. В чрезвычайно сухом климате Палестины лесной пожар сразу нельзя было потушить; так и человек не может поправить вред, причиненный его языком. "Три вещи нельзя вернуть - пущенную стрелу, сказанное слово и упущенную возможность". Молву нельзя убить, пустую и злостную историю нельзя изгладить из памяти людей. Прежде чем заговорить человек должен вспомнить, что, как только слово будет произнесено, он уже не будет властвовать над ним, и помнить об этом, потому что ему в любом случае придется отвечать за него.

Внутренний порок (Иак. 3,5б.6 (продолжение))

Остановимся еще немного на этом отрывке, потому что в нем есть два сложных высказывания.

1. "Язык - прикраса неправды". В греческом это звучит так: *хо космос тес одикиас*. Мы сможем лучше понять это выражение, если будем помнить, что слово *космос* имеет два значения.

а) Оно может употребляться, хотя и не очень часто, в значении *украшения*, в Библии - *прикраса*; то есть фраза может иметь, как это переведено в Библии, значение *прикрашивание зла, порока, греха*; другими словами, язык - это орган, который может сделать порок или грех привлекательным. При помощи языка люди могут выдать плохую цель за хорошую и обосновать это; языком могут извинить и оправдать свое порочное поведение, языком могут толкнуть других ко греху. Совершенно очевидно, что перевод русской Библии в этом месте обоснован лингвистически и логически, но все же сомнительно, что автор хотел вложить в этот отрывок только такой смысл.

б) *Космос* может иметь также значение *мир*. Почти везде в Новом Завете слово *космос* означает *мир несовершенный*, то есть *мир порочный, злой*. Мир не может принять Духа истины (*Иоан. 14,17*); Иисус являет Себя ученикам, а не миру (*Иоан. 14,22*); мир ненавидит Иисуса и потому ненавидит Его учеников (*Иоан. 15,18.19*); царство Иисуса не от мира сего (*Иоан. 18,36*). Павел осуждает мудрость мира сего (*1 Кор. 1,20*). Христиане не должны сообразовываться с миром сим, то есть уподобляться ему (*Рим. 12,2*). Если Иаков употребил слово *космос* в этом смысле, то фраза должна иметь значение *безбожный мир*, неведущий Бога, часто даже враждебный Богу. И потому, если мы назовем язык порочным, подобным безбожному космосу, то это значит, что язык - безбожная часть тела: бесконтрольный язык подобен миру, который враждебен Богу. Таким образом, наш орган не повинует Богу.

2. Второе трудное выражение в этом отрывке - *трохос генезеос*, переведенное в Библии как *круг жизни*, в буквальном смысле значит *колесо жизни*, но может быть и *круг жизни*.

Древние употребляли эту метафору для описания жизни в четырех различных значениях.

а) Жизнь как круг, как завершенное целое и потому выражение *круг жизни* может иметь значение *вся жизнь*.

б) Любая точка колеса постоянно движется вверх или вниз и потому выражение *колесо жизни* может указывать на *взлеты и падения жизни*, подобно колесу фортуны.

в) Колесо может вращаться на одном месте. Оно может также символизировать однообразное движение жизни без всякого прогресса.

г) Это выражение имело и совершенно специфическое значение. В орфической религии существовало поверье, что душа человека рождается, умирает и все время вновь возрождается. Цель жизни, согласно этому учению, как раз и состоит в том, чтобы вырваться из этого беличьего колеса и обрести бессмертие. Фанатик-орфик мог сказать: "Я вырвался из печального, однообразного беличьего колеса". В этом случае колесо жизни означает *однообразный кругооборот непрерывных перевоплощений*.

Маловероятно, чтобы Иаков был знаком с орфическим учением о перевоплощении. Маловероятно также, чтобы христианин вообще мог представлять себе жизнь в виде никуда не ведущих циклов. Столь же маловероятно, чтобы христианина пугали жизненные перемены. Поэтому скорее всего Иаков хочет передать такую мысль: язык способен вызвать разрушительный огонь и уничтожить всю жизнь. Язык так же зажигается от адского огня. Вот в этом-то и весь ужас.

7-8

Не поддающийся укрощению (Иак. 3,7.8)

Идея о приручении животных для службы человеку часто встречается в древнеиудейской литературе. Мы встречаемся с ней уже в истории творения: Бог говорит людям: "владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным,

пресмыкающимся по земле" (*Быт. 1,28*). Вероятно Иаков опирался именно на этот стих. Это же обещание было дано и Ною: "Да страшатся и да трепещут вас все звери земные, и все птицы небесные, все что движется на земле, и все рыбы морские: в ваши руки отданы они" (*Быт. 9,2*). Иисус, сын Сирахов, повторяет эту мысль: "И вложил страх к ним во всякую плоть, чтобы господствовать им над зверями и птицами" (*Сир. 17,4*). И псалмопевец говорит: "Поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его: овец и волов всех, и также полевых зверей, птиц небесных и рыб морских, все преходящие морскими стезями" (*Пс. 8,7-9*).

У римлян были даже прирученные рыбы, обитавшие в прудах в *атрии* - открытом внутреннем дворе римского дома. Эмблемой Эскулапа, бога врачевания, была змея, и в посвященных ему храмах ползали прирученные змеи, считавшиеся воплощением бога. Больные спали ночью в храме и, если ночью такая прирученная змея проползала над больным, это считалось целительным прикосновением бога.

Человеческая изобретательность позволила приручить самых разных животных, управлять ими и использовать их в своих целях, а вот приручить свой язык, говорит Иаков, ни один человек так и не смог.

9-12

Благословения и проклятия (Иак. 3,9-12)

Мы хорошо знаем из опыта, что человек - крайне противоречивое существо. В нем есть нечто от обезьяны и нечто от ангела, нечто от героя и нечто от злодея, нечто от святого и очень много от грешника. Иаков уверен, что это противоречие ярче всего проявляется в языке человека. Языком, говорит он, мы благословляем Бога: это особенно относилось к иудеям. Когда бы ни упоминалось имя Божие, иудей должен был сказать: "Благословен будь Он!" Набожный иудей должен был каждый день три раза повторять *шимоне езре*, знаменитые восемнадцать молитв, называвшиеся *эвлоги*, каждая из которых начинается словами "Благословен будь, Ты, о Бог". Бог для иудеев подлинно был *евлогетос*, *Благословенный*, Которого благословили всегда. И все же, те же самые уста и языки, которые часто и набожно благословляли Бога, в то же время проклинали своих соплеменников. Иакову это казалось противоестественным, таким же противоестественным, как если бы один поток нес сразу пресную и соленую воду или на одном дереве росли совершенно разные плоды. Но как бы противоестественно и печально это ни выглядело, к сожалению, оставалось типичным явлением.

Ведь мог же Петр сказать: "хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя" (*Мат. 26,35*), и тот же самый язык Петра отрекся от Иисуса и клялся и божился (*Мат. 26,69-75*). Иоанн, сказавший: "Дети возлюбленные! будем любить друг друга" (*1 Иоан. 4,7*), хотел когда-то призвать огонь с неба, чтобы истребить самарянскую деревню (*Лук. 9,51-56*). Даже с языка учеников Христа иногда срывались недобрые слова.

Английский писатель Джон Буньян говорил о Словоохотливом: "Он был святой на людях и дьявол дома". Многие люди говорят крайне вежливо с посторонними и даже проповедуют любовь и доброту, а дома, в своей семье проявляют раздражительность и нетерпимость. Всем известны также случаи, когда человек по праздникам говорит возвышенно - а по будням кричит на рабочих, в один день говорит напыщенно или благочестиво - а на другой день повторяет крайне сомнительные истории. Бывает также что женщина говорит ласково и мягкосердечно среди братьев и сестер по вере, а потом выходит и своим злым языком приносит большой вред.

Иаков считает, что всего этого не должно быть. Некоторые вещи в одно и то же время могут быть и лекарством и ядом; они приносят пользу человеку, если врач разумно дает их ему в нужное время и в правильной дозе, и вред, если их употреблять неразумно. Язык может и благословлять и проклинать; может ранить и утешать; он может произносить самые

прекрасные и самые грязные вещи. Одна из самых трудных и самых обычных задач человека заключается в том, чтобы его язык не противоречил самому себе и произносил лишь такие слова, которые хочет слышать Бог.

13-14

Какой человек никогда не должен быть учителем (Иак. 3,13.14)

Иаков как бы возвращается к началу главы. Он рассуждает так: "Хочет ли кто из вас быть одновременно подлинным мудрецом и настоящим учителем? Пусть он тогда ведет прекрасную и добрую жизнь, чтобы показать всем, что эта доброта занимает прочное и ведущее место в его сердце. Ведь если жизнь его пропитана горечью, эгоизмом и личным самолюбием, что бы он ни утверждал в своей самоуверенности, это будет противоречить истине, которой он открыто учит".

Иаков употребляет два интересных слова: первое слово переведено в Библии как *зависть* - *зелос*. *Зелос* - это не обязательно плохое слово. Оно может означать благородное соперническое рвение, испытываемое человеком при виде величия и благородства. Но между этим благородным рвением и низкой завистью очень тонкая грань. Другое слово - *ерифейя*, переведенное в Библии как *сварливость*, тоже не обязательно должно было иметь дурное значение. Первоначально оно значило *прядение по найму* и употребилось по отношению к работавшим по найму женщинам-мастерицам. Позже оно стало означать любую работу, выполняемую за плату, а еще позже - вообще работу, выполняемую ради денег. Позднее это слово перешло в политику и стало обозначать чисто эгоистическое честолюбие, готовое на все ради достижения своих целей.

Ученого и учителя постоянно преследует двойное искушение.

1. Во-первых, он может пасть жертвой чувства *самонадеянности*. Самонадеянность всегда была главным искушением раввина и величайшие из них хорошо сознавали это. В книге "Пословицы предков" читаем такие строки: "Кто самонадеян в своих решениях, тот глуп, испорчен, полон сомнений". Один мудрец советовал: "Твои коллеги сами могут решить, примут ли они твое мнение, ты же не можешь заставить их принять его". Лишь немногим людям постоянно угрожает такая духовная опасность, как учителю и проповеднику. Они привыкли к тому, что их слушают и что их слова принимаются на веру. И они совершенно бессознательно привыкают, как выразился Шекспир, думать так: "Я - Оракул, и когда я открываю уста, пусть ни одна собака не лает!" Трудно быть учителем или проповедником и оставаться скромным, но это совершенно необходимо.

2. Ему всегда грозит опасность впасть в резкость. Все хорошо знают, как легко ученые дискуссии вызывают страсти. Вот один отрывок, в котором описаны дикие отношения ученых друг к другу: "Ученые - мирные люди, они не носят оружия, но языки их острее бритвы, их перья достают дальше и вызывают больший грохот, чем гром". Труднее всего спорить, не раскаляя страстей и, выслушивая аргументы, не принимать их за личную обиду. Это действительно нелегко, будучи совершенно убежденным в своей правоте, выслушивать несогласные мнения других. И все же христианский учитель и ученый прежде всего должны помнить об этом.

Из вышеприведенного отрывка можно извлечь четыре особенности неправильного способа обучения.

1. *Фанатичность*. Навязывание своего мнения с чрезмерной страстью и необоснованным убеждением.

2. *Резкость*. Обращение с оппонентами как с врагами, которых нужно уничтожить, а не как с друзьями, которых нужно убедить.

3. *Эгоистическое честолюбие*. Обучение, направленное скорее на то, чтобы показать себя, а не истину; с целью обеспечить победу своей точки зрения, а не истины.

4. *Самонадеянность*. В учении проявляется гордость своими знаниями, а не скромность от сознания неполноты своего знания. Подлинный ученый больше думает о том, чего он не знает, нежели о том, что он знает.

15-16

Ложная мудрость (Иак. 3,15.16)

Эта так называемая мудрость - ожесточенная и самонадеянная, очень сильно отличающаяся от подлинной мудрости. Сначала Иаков показывает, какова она сама, а потом описывает ее воздействие. Сама она имеет следующие особенности:

1. Она земная. У нее земные источники и нормы. Она измеряет успех мирскими, земными категориями; у нее земные цели.

2. Она душевная. Иаков здесь употребляет трудно поддающееся переводу слово *психикос*, которое происходит от слова психе. Древние делили человека на три части - тело, душу и дух: тело (*сома*) - наша плоть и наша кровь; душа (*психе*) - наша физическая жизнь, общая с животными; дух (*пневма*) - то, что принадлежит лишь человеку, что отличает его от животных, что делает его разумным существом подобным Богу. Такая система несколько непривычна для нас, потому что мы привыкли употреблять слово *душа* в том же смысле, в каком древние употребляли слово *дух*. Иаков говорит здесь, что всякая ложная мудрость - это нечто животное, это животная мудрость, которая заставляет животное рычать и огрызаться в борьбе и стремлении выжить.

3. Она бесовская. Она происходит не от Бога, а от дьявола и она приводит к результатам, которых добивается дьявол, а не Бог.

После этого Иаков описывает воздействие этой самонадеянной и ожесточенной мудрости. Особо следует отметить, что она вызывает неустройство и беспорядок. Другими словами, вместо того, чтобы объединять людей, она разъединяет их и вместо мира она вызывает ссоры. Есть люди, несомненно умные, обладающие острым умом и умеющие хорошо говорить, но вызывают они в любой группе людей одни неприятности и разрушают человеческие отношения. Надо хорошо помнить, что такая мудрость бесовская, а не Божественная.

Подлинная мудрость (1) (Иак. 3,17.18)

Иудейские мудрецы всегда сходились на том, что подлинная мудрость дается человеку свыше. Мудрость, считали они, это не достижение человека, а дар Божий. В книге Премудрости Соломона такая мудрость охарактеризована как "дыхание силы Божией и чистое излияние славы Вседержителя" - (Прем. 7,25) и далее "Даруй мне присущую престолу Твоему премудрость" (Прем. 9,4) и "ниспошли ее от святых небес и от престола славы Твоей" (Прем. 9,10) - Иисус, сын Сирахов, начал свою книгу такими словами: "Всякая премудрость - от Господа и с Ним пребывает вовек" (Сир. 1,1), и вкладывает в уста мудрости такие слова: "Я вышла из уст Всевышнего" (Сир. 24,3).

Для характеристики этой мудрости Иаков употребляет семь слов, имеющих важное значение и интересную историю.

1. Подлинная мудрость *чиста*. В греческом это *хагнос* и его основное значение - *достаточно чистый, чтобы приблизиться к богам*. Сначала это слово имело сугубо обрядовое значение и значило только, что человек совершил правильное обрядовое очищение. Так, один из героев Еврипида говорит: "Руки мои чисты, а сердце - нет". На этом этапе *хагнос* означало обрядовую и не обязательно моральную чистоту, но со временем слово стало обозначать моральную чистоту, которая одна могла приблизиться к богам. У входа в храм греческого бога Асклепия (Эскулапа) в Эпидавре была надпись: "Всякий, кто входит в божественный храм, должен быть чистым (*хагнос*), а чистота значит иметь праведные мысли". Подлинная мудрость настолько очищена от всяких скрытных мотивов и от влияния

собственной личности, что она стала настолько чистой, что может узреть Бога. Вполне возможно даже, что мирская мудрость хочет укрыться от Божьего взгляда, подлинная же мудрость в состоянии выдержать даже такой испытующий взгляд.

2. Подлинная мудрость *мирна*. В греческом это *ейреникос*, и это слово имеет особое значение. Соответствующее существительное *ейрене* значит *мир*, а когда им характеризуют людей, оно получает значение *правильные отношения между людьми и с Богом*. Подлинная мудрость создает правильные отношения. Есть однако такая искусная и самонадеянная мудрость, которая разделяет людей и позволяет одному человеку презрительно и свысока смотреть на других: есть и такая искусная мудрость, которая находит удовольствие в том, чтобы причинять другим боль умными, но ранящими словами. Есть также извращенная мудрость, которая отвращает людей от их верности Богу. Подлинная же мудрость всегда сближает людей друг с другом и с Богом.

3. Подлинная мудрость *скромна*. В греческом это *эпиейкес*, самое труднопереводимое слово в Новом Завете. Аристотель определял это слово как то, что "справедливо даже там, где уже не действует писаное право", как "справедливость и лучше чем справедливость" и как то, что "находит правильный путь, когда сам закон становится несправедливым". Человек, характеризующийся как *эпиейкес* знает, когда было бы неправильно применить строгую букву закона, он может даже простить, и знает когда это надо сделать, даже если буква закона дает ему право осудить; он знает, когда нужно сделать скидку, когда не нужно настаивать на своих правах, как милосердием смягчить правосудие и всегда помнит, что в мире существует нечто большее, чем нормы и правила.

Трудно найти в русском языке, да и во многих современных западноевропейских языках, эквивалент этому слову *эпиейкес*. А выражаемое им свойство человеческого характера один английский поэт попробовал передать примерно такими словами: "ласковое благоразумие"; способность относиться к другим с такой же внимательной предусмотрительностью, какую человек желал бы для себя.

Подлинная мудрость (2) (Иак. 3,17.18 (продолжение))

4. Подлинная мудрость *покорна*. В греческом это *евнейфес* и может иметь два значения.

а) *Человек, который всегда готов повиноваться*. Если принять это значение, выходит, что действительно мудрый человек всегда готов повиноваться, когда услышит голос Божий.

б) *Человек, которого просто убедить*, но не в том смысле, что он очень уступчив или слаб, а в том смысле, что он не упрям, и готов прислушиваться к разумным обоснованиям и призывам. Ввиду того, что в данном случае эта характеристика - *евнейфес* идет после *эпиейкес*, можно думать, что Иаков вкладывал в нее второе значение. Подлинная мудрость не застывает, а всегда готова прислушаться и знает, когда надо уступить и согласиться.

5. *Она полна милосердия (елеос) и добрых плодов*. В христианском мировоззрении слово *елеос* обрело новый смысл. Греки определяли это слово как *сострадание по отношению к несправедлив и безвинно пострадавшему*. Христианство же понимает под *елеос* много больше.

а) Жалость, сострадание к человеку, попавшему в несчастье, даже по своей вине. Христианское милосердие - это отображение Божественного милосердия, а Он милосерд к людям не только тогда, когда они страдают невинно, но и когда эти страдания - результат из собственных ошибок.

Ведь так просто сказать в адрес человека, попавшего в беду: "Он сам виноват, он сам навлек это на себя" и поэтому не чувствовать за собой никакой ответственности за него. Христианское же милосердие направлено к каждому попавшему в беду человеку, даже если он сам навлек на себя эту беду.

б) В христианском мировоззрении *елеос* означает милосердие, давшее хорошие плоды, то

есть милосердие, проявившееся в практической помощи. Христианское милосердие - это не просто чувство, это действие. Никто не может сказать, что пожалел человека, если не помог ему.

6. Подлинная мудрость *adiakritos* - *беспристрастна*. Это значит, что она не колеблется и не знает нерешительности, твердо знает свое дело, выбирает свой путь и твердо придерживается его. Некоторые люди полагают, что разумнее вообще не иметь своего мнения. Они говорят о том, что следует повременить с каким-либо суждением и быть готовым его всегда пересмотреть. Христианская же мудрость основана на христианской уверенности, которую мы получаем от Бога через Иисуса Христа.

7. Подлинная мудрость *nelicemena* - *анупокритос*. Другими словами, это не поза, не роль, имеющая целью обмануть; она искренна и не претендует на нечто ей не свойственное и никогда не притворяется, чтобы добиться своей цели.

Дальше Иаков говорит о том, что каждый христианин и каждая христианская церковь должны записать в своем сердце. В Библии мы имеем буквальный перевод с греческого: "Плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир". Это очень сжатое предложение. Надо помнить, что мир *ейрене* - это правильные отношения между людьми, потому Иаков имеет в виду вот что: "Мы все пытаемся собрать урожай, который приносит добродетельная жизнь, но семена, приносящие богатый урожай, могут произрастать лишь в атмосфере правильных отношений между людьми. Посеять же такие семена и пожать их плоды могут лишь те, жизнь и труд которых служит созданию таких правильных отношений". Другими словами, в атмосфере разногласий ничего доброго произрасти не может. Группы людей, в которых господствуют разногласия и ссоры - это пустошь, бесплодная земля, на которой никогда не могут произрасти семена праведности. Кто разрушает человеческие отношения, вызывает ссоры и разногласия - лишает себя плодов, которые Бог дает лишь тем, кто ведет заповеданный Им образ жизни.

Глава 4

1-3

Вожделения человека или воля Божия? (Иак. 4,1-3)

Иаков задает своим читателям главный вопрос: намерены ли они подчиниться воле Божией или же будут продолжать удовлетворять свои вожделения в мирских наслаждениях? Он предупреждает, что жизнь, цель которой заключается в наслаждениях, приводит лишь к ссорам, ненависти и разъединению; что погоня за наслаждениями ведет к препирательствам (*полемой*) и вражде (*махай*); в этом с ним согласились бы все древние моралисты.

Наше общество часто представляется нам клубком раздора и ненависти. Филон Александрийский писал в свое время: "Посмотрите на непрерывную войну, кипящую между людьми даже в мирное время, которая ведется не только между народами, странами и городами, но и между отдельными домами или, даже людьми. Посмотрите, какие бури поднимает в душах людей стремительный поток жизни, и подумайте, может ли кто сохранять спокойствие в такой буре среди этих мятущихся громадных морских волн?".

В основе этой нескончаемой и жестокой борьбы лежит не что иное, как вожделение. Филон Александрийский указывает на то, что самым важным в Десяти заповедях является запрет алчности и вожделений, ибо вожделения - это самые порочные страсти души. "Разве не из-за этих страстей разрушаются отношения, а доброжелательное расположение обращается в отчаянную вражду? Огромные и густонаселенные страны становятся безлюдными вследствие внутренних раздоров. На суше и на море происходят все новые и новые катастрофы вследствие морских битв и сухопутных военных походов. Ибо все известные войны имеют один источник - жадность денег или славы или наслаждений. Из-за этого люди сходят с ума". Древнегреческий писатель-сатирик Лукиан писал так: "Все зло, происходящее

от человека - перевороты и войны, военные хитрости и массовые кровопролития - происходит от вожделения. Первоисточником всех этих дел является желание иметь больше". Древнегреческий философ Платон писал: "Единственной причиной войн и переворотов является тело и его желания", а древнеримский оратор и философ Цицерон говорил: "Ненасытные желания губят не только отдельных людей, но и целые фамилии и даже государства. Желания ведут к ненависти, расколам, соблазнам и войнам". Вожделение - корень всех зол, разрушающих жизнь человека и вносящих раздор между людьми.

Авторы Нового Завета тоже хорошо понимали, что жгучие и необузданные вожделения к наслаждениям мира сего являются постоянной угрозой духовной жизни. Ведь именно заботы, богатство и житейские наслаждения губят хорошее семя (*Лук. 8, 14*). Человек может стать рабом похотей и наслаждений, и тогда злоба, зависть и ненависть начинают доминировать в его жизни (*Тит. 3, 3*).

Окончательный выбор в жизни сводится к тому, чтобы удовлетворять либо свои вожделения, либо требования Господа.

Результаты погони за наслаждениями (Иак. 4,1-3 (продолжение))

Жизнь, в которой доминирует погоня за наслаждениями, приводит к вполне определенным последствиям.

1. Она делает людей враждебными друг другу. Вожделения, считает Иаков - это врожденные воинственные силы, разжигающие вражду и войны между людьми. Предмет вожделения у людей, в основе своей, один и тот же: деньги, власть, престиж, мирские материальные блага, удовлетворение плотских страстей. Когда все жаждут получить одно и то же, жизнь превращается в арену конкурентной борьбы. Люди давят друг друга в своем стремлении к вожделенному объекту, они готовы на все, чтобы устранить возможного соперника. Послушание воле Божией объединяет людей, ибо воля Его в том и заключается, чтобы они любили друг друга и служили друг другу; следование же зову страсти к наслаждениям разъединяет, ибо это ведет к смертельному соперничеству.

2. Страсть к наслаждениям подвигает людей на постыдные дела; она ведет к зависти, вражде и даже к убийству. Но, прежде чем человек решится на какой-либо поступок, в сердце его должен зародиться импульс, который может заставить его воздержаться от дурного поступка. Но до тех пор, пока нечистое желание пребывает в сердце человека, ему грозит опасность: греховные помыслы в любое время могут толкнуть его на губительный поступок.

Этапы этого процесса просты и потому ужасны. Человек позволяет себе пожелать что-то, пожелание это начинает завладевать его мыслями и господствовать в них; он начинает неосознанно думать об этом наяву и во сне, оно становится, так сказать, доминирующей страстью. Человек начинает строить теоретические планы, а эти планы могут включить и устранение людей, стоящих на пути к достижению заветной цели, ведь это всего лишь фантазия! Это довольно долго может протекать в чисто теоретическом плане, пока в один прекрасный день, все воображаемое не начнет претворяться в жизнь, и человек вдруг оказывается вынужденным совершать ужасные шаги, ведущие к удовлетворению затаенного желания. Все преступления в мире начинались с неясного желания в сердце человека, которое достаточно долго взращивалось в нем и, наконец, вылилось в поступок.

3. Страсть к наслаждению закрывает, в конце концов, человеку возможность молиться. Если человек молит Бога лишь об удовлетворении своих желаний, Бог не может ответить на такие эгоистические молитвы. Настоящая молитва должна заканчиваться словами: "Да будет воля Твоя". Человек же, всецело поглощенный погоней за наслаждением, молит Бога: "Да будут удовлетворены мои желания". Это печально, но это факт - эгоист едва ли даже может правильно молиться, правильно может молиться лишь человек, переставший ставить в центр себя и поместивший в центр Бога.

Мы должны выбрать - сделать ли целью жизни свои желания или волю Божию; выбрав свои желания, мы отделяемся от людей и от Бога.

4-8

Верность Богу (Иак. 4,4-8а)

Перевод слов обращения "прелюбодеи и прелюбодейцы" затрудняет понимание этого отрывка. В оригинале обращение только в женском роде, причем оно вовсе не должно восприниматься буквально, автор имеет в виду неверность духовную, а не плотскую, а в основе фразы лежит ветхозаветная идея об Иегове, как о супруге Израиля, и Израиле как невесте Бога. "Твой Творец есть супруг твой, Господь Саваоф - имя Его" (Ис. 54,5). "Но, по истине, как жена вероломно изменяет другу своему, так вероломно поступили со Мною вы, дом Израилев, говорит Господь" (Иер. 3,20). Вот эта идея об Иегове как муже и народе Израиля, как супруге, и объясняет, почему в Ветхом Завете духовная неверность выражается в терминах супружеской неверности. Вступить в союз с народами других стран и их богами, приносить жертвы их богам и вступать в браки с их дочерьми значило вступить в "блуждение вслед богов своих" (Исх. 34,15.16). Бог предупреждал Моисея, что настанет день, когда "станет народ сей блудно ходить вслед чужих богов той земли, в которую вступает" (Втор 31,16). Пророк Осия сетует на то, что Израиль блудодействует, удалившись от Бога своего (Ос. 9,1). И в Новом Завете - о "роде лукавом и прелюбодейном" (Мат. 16,4; Мар. 8,38) говорится в этом же духовном смысле. Эта идея перешла в христианское вероучение в форме теории о Церкви как невесты Христа (2 Кор. 11,1.2; Еф. 5,24-28; Отк. 19,7; 21,9).

Форма изложения может и резать слух современного человека, но сама мысль об Израиле, как невесте Бога, и о Боге, как супруге Израиля, имеет очень ценный смысл. Она состоит в том, что неповиновение Богу подобно нарушению супружеского обета. Поэтому всякий грех - это грех против любви. Это значит, что наши отношения с Богом подобны не отношениям между государем и подданным, или господином и рабом, они сродни близким отношениям между мужем и женой. Таким образом, греша, мы причиняем Богу такое же огорчение, какое может причинить супругу измена и уход другого.

Дружба с миром и вражда с Богом (Иак. 4,4-8а (продолжение))

Иаков говорит, что любовь к миру делает человека враждебным Богу и, подружившись с миром, человек становится врагом Богу. Важно понять, что он под этим подразумевает.

1. Это вовсе не значит, что Иаков презирает мирское, что он смотрит на землю, как на мрачную юдоль, порочащую все в мире. Есть такой рассказ об английском пуританине, гулявшем со своим другом в деревне. Его друг увидел у обочины дороги красивый цветок и говорит: "Посмотри, какой прекрасный цветок". А пуританин отвечает: "Я научился не называть ничего прекрасным в этом погибшем греховном мире". Но Иаков не смотрел на мир так. Он видел в нем творение Божие и, подобно Иисусу, радовался его красоте.

2. Мы уже видели, что в Новом Завете слово *космос* часто употребляется для обозначения *мира, не ведающего Бога*. Два места в Новом Завете ясно показывают, что Иаков подразумевал под этим. Павел писал: "Плотские помышления суть вражда против Бога... живущие по плоти Богу угодить не могут" (Рим. 8,7.8). Под этим Павел подразумевает, что все, кто меряет только земными мерками, расходятся с Богом. Второй отрывок - одна из самых печальных эпитафий христианской жизни во всей литературе: "...Димас оставил меня, возлюбив нынешний век" (2 Тим. 4,10). И здесь вложено значение *мирской, мирское*. Тот, кто посвящает свою жизнь материальным благам, не может, конечно, посвятить ее Богу, и потому, посвятив свою жизнь мирскому, человек становится враждебным Богу.

3. Иисус сказал: "Никто не может служить двум господам" (Мат. 6,24). К вещам преходящим и земным можно относиться двояко: можно настолько увлечься ими, что станешь их рабом. Можно использовать их на пользу своим братьям и готовить себя для

вечности - тогда и мир будет нам не господином, а слугой. Человек может использовать мирское в своих целях, либо служить ему в его целях. Кто использует мирское в служении Богу и людям, тот в дружбе с Богом, потому что таково и было его предназначение от Бога. Кто желает контролировать жизнь и диктовать ей свои условия, тот становится врагом Богу, потому что Бог вовсе не для этого сотворил мир.

Бог, любящий до ревности (Иак. 4,4-8а (продолжение))

Стих 5 представляет особую трудность. Во-первых, он приведен как цитата из Священного Писания, но в Писании нет такого отрывка, с которым бы мы могли отождествить его. Можно предположить, что Иаков либо цитировал из какой-то ныне утерянной книги, которую он считал частью Священного Писания, либо же он свел в одно предложение непреходящий смысл Ветхого Завета, не намереваясь цитировать конкретное место.

Кроме того, трудность представляет и сам перевод: цитату можно перевести двояко, смысл же обоих вариантов в большой степени одинаков. "Он (то есть Бог) ревностно жаждет преданности духа, который Он создал, дабы он пребывал в нас" или "Дух, который Бог создал, чтобы он пребывал в нас, ревностно жаждет полной преданности в наших сердцах".

И в том и в другом случае смысл сводится к тому, что Бог любит ревностно и не потерпит соперников. Авторы Ветхого Завета никогда не боялись употребить определение ревностный по отношению к Богу. Моисей говорил иудеям о Боге, что "богами чуждыми они раздражили Его" (*Втор. 32,16*). Настаивая на том, что поклоняться должно Ему Одному, Бог говорил в Десяти заповедях: "Я Господь Бог твой, Бог ревнитель" (*Исх. 20,5*). "Ибо ты не должен поклоняться богу иному, кроме Господа, потому что имя Его - ревнитель" (*Исх. 34,14*). Пророк Захария слышал как Бог говорил: "Так говорит Господь Саваоф: "возревновал Я о Сионе ревностью великою" (*Зах. 8,2*).

В греческом слово *зелох* (ревность) имеет также значение "обжигающий жар". Мысль сводится к тому, что Бог настолько любит людей, что Он не может терпеть еще какой-то любви в сердце человеческом.

Вполне возможно, что в наше время трудно связывать с Богом такое слово как *ревность*, потому что оно потеряло нечто от своего высокого значения, но за ним скрывается поразительная истина, что Бог страстно любит души людей. В некотором смысле любовь эта рассеяна среди всех людей и детей Божиих, но в другом смысле любовь требует абсолютной преданности и привязанности к одному. Глубокая истина заключается в том, что человек может любить лишь одного. Кто думает иначе, тот не знает, что такое любовь.

Слова смирения и трагедия гордыни (Иак. 4,4-8а (продолжение))

Если Бог действительно таков, как может кто-то проявлять по отношению к Нему ту преданность, которую Он требует? Иаков отвечает, что, не смотря на высокие требования, Бог дает человеку великую благодать для выполнения этих требований, и чем выше требования, тем больше благодать, которую дает Бог.

Но у благодати есть одна особенность - человек не может получить ее до тех пор, пока не осознает, что она ему нужна и не обратится смиренно к Богу за помощью. И потому должно оставаться непреложной истиной, что Бог противится гордым, а смиренным щедро дает благодать. "Бог гордым противится, а смиренным дает благодать", - это цитата из *Прит. 3,34*, которая приведена также в *1 Пет. 5,5*.

А что такое - губительная *гордыня*? По-гречески это слово *хиперефанос*, что в буквальном смысле значит *тот, кто возвышает себя над людьми*. Даже греки ненавидели гордыню. Древнегреческий философ и естествоиспытатель Теофраст охарактеризовал ее как "некоторое презрение ко всем другим людям". Христианский писатель Феофилакт назвал ее "цитаделью и вершиной всех зол". Самое страшное в том, что она гнездится в сердце человека. Она означает *высокомерие*, но страдающий ею человек может казаться крайне

смирением, хотя его сердце и переполнено презрением ко всем собратьям.

Он отрезает себе путь к Богу и вот почему:

1. *Он не знает своих собственных нужд.* Он настолько восхищен собой, что не знает, чего ему недостает.

2. *Он заботливо хранит свою независимость.*

3. *Он не распознает свой грех.* Он занят мыслями о собственных добродетелях и никогда не осознает своих грехов, спасение от которых он должен получить. Такая гордыня не может получить помощи, потому что она даже не знает, что она ей нужна, и потому не обращается за ней.

Смирение, за которое ратует Иаков, это вовсе не раболепие. У него две важные особенности.

1. Смиренный человек знает - если оказать сопротивление дьяволу, тот убежит. Дьявол может бороться с христианином, но он не может победить его. Это особенно радовало христиан и эту мысль приводит Петр (1 Пет. 5,8.9). Ярким примером для нас и вдохновением является Иисус в Его искушениях, в которых Он показал, что дьявол не является непобедимым и его можно обратить в бегство, выступив против него со словом Божиим. Христианин смирен потому, что он знает, что борьбу будет вести в присутствии Духа, и не своею силою, а силою Божией.

2. Смиренный человек знает, что ему дано величайшее преимущество - доступ к Богу, а ведь это потрясающее преимущество. Раньше только священники имели право доступа в присутствие Божие (Исх. 19,22). Священники по долгу службы должны были приближаться к Богу вместо погрязших в грехах людей (Иез. 44,13). Но через свершения Иисуса Христа каждый человек может смело приближаться к трону Божьему в уверенности, что обретет милосердие и благодать, которые помогут ему в трудные времена (Евр. 4,16). Было время, когда только Первосвященник мог войти в Свята Святых. Нам же предоставлен новый и живой путь, лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к Богу (Евр. 7,19).

Христианину нужна смиренность, но эта смиренность придает ему смелость и сознание того, что путь к Богу открыт и самому страшному грешнику.

Комментарий ко второй половине стиха 8 смотрите в следующем разделе.

9-10

Чистота ради Бога (Иак. 4,8б-10)

Иакова никогда не оставляет мысль об этических нормах христианства. Он только что говорил о благодати, которую Бог дает смиренным и которая позволяет им совладать со стоящими пред ними великими трудностями. Но Иаков уверен в том, что недостаточно просто просить и пассивно получать; он уверен, что главную роль играют нравственные усилия самого человека.

Он взывает к *грешникам*, при этом употребляет слово *хамартоλος*, что значит закоренелый грешник, грехи которого известны всем; таких определяли как "людей, живущих в союзе с неповиновением закону и любящих порочную жизнь". Иаков требует от таких людей нравственной перестройки, как внешнего поведения, так и внутренних стремлений и желаний - неповинных рук и чистого сердца (Пс. 23,4).

Выражение *очистить руки* первоначально означало лишь обрядовое очищение, ритуальное омовение рук, делавшее человека обрядово чистым, чтобы он имел право присутствовать при богослужении. Священник, перед тем как приступить к богослужению, должен был омыть тело свое и руки свои (Исх. 30,19-21; Лев. 16,4). Ортодоксальный иудей должен был омыwać руки перед едой (Мар. 7,3). Но люди осознали, что Богу нужно нечто большее, чем внешнее

омовение, и потому это выражение стало обозначать со временем моральную чистоту: "Буду омыwać в невинности руки мои", - говорит псалмопевец (Пс. 25,6). Пророк Исаия требует от людей "омойтесь, очиститесь" (Ис. 1,16) - и имеет при этом в виду, чтобы они прекратили творить зло. В Послании к Тимофею Павел призывает воздевать чистые руки к Богу в молитве (1 Тим. 2,8). История этого выражения показывает, как углублялось в сознании людей представление о том, чего собственно, требует от них Бог. Люди начали с внешнего омовения, с ритуального обряда и пришли к пониманию, что Бог требует не ритуальной, но нравственной чистоты.

Библейское мировоззрение предусматривало четыре формы очищения: очищение уст (Ис. 6,5,6); очищение рук (Пс. 23,4); очищение сердца (Пс. 72,13), очищение души (Иак. 4,8). Другими словами, нравственный кодекс Библии требует, чтобы у человека были чисты и слова, и поступки, и чувства, и мысли. Человек должен быть чистым снаружи и внутри, ибо только чистые сердцем узрят Бога (Мат. 5,8).

Печаль ради Бога (Иак. 4,8б-10 (продолжение))

В своем требовании печалиться ради Бога Иаков возвращается к тому, что сказал Иисус: "Блаженны плачущие, ибо они утешатся" (Мат. 5,4; Лук. 6,20). Но не следует вкладывать в этот отрывок то, чего Иаков вовсе не подразумевал. Он вовсе не отрицает радости христианской жизни; он вовсе не требует, чтобы люди вели мрачный образ жизни. Но он ратует за умеренность вместо легкомыслия и делает это с настойчивостью врожденного пуританина, описывая при этом не *конец* христианской жизни, а ее начало.

Он обращается к людям со следующими призывами:

1. *Сокрушайтесь*, (по-гречески это слово *талапорейн*) означает, как положение армии, у которой вышли продукты питания и нет укрытий от непогоды. Тем самым Иаков требует от людей добровольного воздержания от чрезмерной роскоши и отказа от комфорта; он обращается к людям, полюбившим мирское и умоляет их не судить жизнь мерками роскоши и комфорта. Ученого творит дисциплина, суровые тренировки творят атлета, а мудрое воздержание формирует христианина, который знает, как следует пользоваться миром и его дарами.

2. *Плачьте, обратите смех ваш в плач, а радость в печаль*. Здесь Иаков описывает *первые* шаги человека в христианской жизни, когда он познает Бога и свой грех: это обескураживающее переживание. Когда Джон Уэсли, основатель методистской церкви, читал проповеди английским шахтерам, по их покрытым угольной пылью лицам текли слезы, так их тронула скорбь его проповеди. Но ведь это вовсе не конец христианской жизни. Ужасная печаль, вызванная сознанием своих грехов сменяется захватывающей радостью от сознания прощенных грехов. Но для того, чтобы возрадоваться сознанию грехов прощенных, человек должен пройти через стадию осознания грехов совершенных. Иаков требует, чтобы эти самодовольные, купающиеся в роскоши беспечные слушатели увидели свои грехи и устыдились их, ужаснулись и испугались, потому что лишь после этого они могут обратиться к благодати и радостям, которые намного превосходят их земные удовольствия.

3. *Рыдайте*. Пожалуй, мы не сильно нарушим смысл, если предположим, что Иаков думал при этом о *слезах сострадания*. Он настаивает на том, чтобы скорбь и нужда других людей пробила броню наслаждений и комфорта. Человек не может стать христианином, если он не услышал тот мучительный призыв к человечности, за которую умер Иисус Христос.

Итак, Иаков, умышленно употребил такие сильные слова для того, чтобы разбудить дремлющие души людей, призвать их отказаться от роскоши ради воздержания, осознать свои грехи и оплакивать их; осознать нужды мира и рыдать за них.

Смирение ради Бога (Иак. 4,8б-10 (продолжение))

Завершает Иаков свое обращение требованием смириться перед Богом. Через всю Библию

красной нитью проходит убеждение, что лишь смиренным дарует Бог блаженство. Бог спасет смиренного (*Иов. 22,29*). Гордость человека унижает его, а смиренный духом приобретет честь (*Прит. 29,23*). Бог живет на высоте небес... а также с сокрушенным духом (*Ис. 57,15*). Боящиеся Господа уготовят сердца свои и смиряют перед Ним души свои и сколько велик человек, столько он должен смиряться (*Сир. 2,17; 3,18*). Иисус Сам неоднократно заявлял, что кто унижает себя, тот возвышен будет (*Мат. 23,12; Лук. 14,11*).

Лишь человек, осознавший свое невежество, обратится за наставлением к Богу. Лишь осознав, что у него нет ничего из того, что нужно человеку, будет он молиться о сокровищах благодати Божией; лишь осознав свою слабость, начнет он черпать от силы Божией; лишь осознав греховность, поймет, что ему нужны Спаситель и прощение Божие.

В основе всех грехов, можно сказать, лежит один: забвение того, что мы - творения, а Бог - творец. Когда человек осознает, что он всего лишь творение, создание, он осознает и свою беспомощность и обращается к тому источнику, из которого может получить помощь.

Такая зависимость порождает подлинную независимость, ибо тогда человек противостоит злу не своими силами, но силою Божией, и одерживает победу. Пока он считает себя независимым от Бога, он находится на пути к поражению и к гибели.

11-12

Грех судить других (Иак. 4,11.12)

Злословить, или *клеветать*; греческое *каталалейн* имеет значение говорить о ком-либо злые и недоброжелательные слова в его отсутствие, когда он сам не может защищаться. Этот грех злословие (греческое существительное - *каталалиа*) осуждается везде в Библии. Псалмопевец так говорит о порочном человеке: "Сидишь и говоришь на брата, на сына матери твоей клеветашь" (*Пс. 49,20*). А Бог говорит: "Тайно клеветущего на ближнего своего изгоню" (*Пс. 100,5*). Павел приводит этот грех среди других непоправимых зол языческого мира (*Рим. 1,30*), и боится, как бы этот грех не процветал в раздираемой противоречиями церкви Коринфа (*2 Кор. 12,20*). Интересно отметить что у Павла злоречие и клевета стоят рядом. *Каталалиа* - этим грешат те, которые собираются по углам небольшими кучками и передают друг другу пикантные сведения, губящие доброе имя отсутствующих людей, которые неспособны защищать себя. Петр тоже осуждает этот грех (*1 Пет. 2,1*).

Это очень важное предостережение. Люди слабо осознают, что в Библии лишь немногие грехи осуждаются столь же строго, как этот грех безответственного злословия. Средний человек получает большое удовольствие от рассказов, слухов и злостные анекдоты об известных всем людях. Хорошо бы нам всем помнить, как на это смотрит Бог. Иаков осуждает этот грех по двум важным причинам.

1. Это нарушение закона Всевышнего любить ближнего, как самого себя (*Иак. 2,8; Лев. 19,18*). Совершенно очевидно, что человек не может любить своего ближнего и одновременно злословить и клеветать на него. Ну, а если человек сознательно нарушает закон, он ставит себя выше этого закона, то есть сам стал судить о законе. Человек же должен не судить закон, а исполнять его, и потому человек, злословящий своего ближнего присвоил себе право судить закон и нарушать его.

2. Это представляет собой посягательство на права Бога. Злословить своего ближнего - это, в сущности, все равно, что осуждать его, а ни один человек не имеет права осуждать другого человека: право судить принадлежит одному Богу.

Один Бог может спасти и погубить. Это великое право подчеркивается во всем Священном Писании. "Я умерщвляю и оживляю" (*Втор. 32,39*). "Господь умерщвляет и оживляет" (*1 Цар. 2,6*). "Разве я Бог, чтобы умерщвлять и оживлять?" - спрашивает потрясенный царь израильский, к которому Нееман обратился с просьбой излечить его от проказы (*4 Цар. 5,7*). Иисус говорит: "Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более

Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне (*Мат. 10,28*). Судить других, значит брать на себя то, что по праву принадлежит одному Богу; дерзко поступает человек, сознательно посягающий на права Бога.

Можем думать, что злословить ближнего - не великий грех. Но из Писания вытекает, что это один из самых тяжелых грехов, потому что он есть нарушение закона Божия и посягательство на права Бога

13-17

Излишняя самоуверенность (Иак. 4,13-17)

Иаков снова рисует хорошо знакомую его современникам картину, в которой они, может быть, узнают и себя.

В древнем мире иудеи были величайшими купцами и торговцами, да и сам тогдашний мир давал им много возможностей проявить и развить свои коммерческие способности. Это была эпоха строительства новых городов, и их основатели, искавшие жителей для этих городов, свободно предоставляли иудеям гражданство, потому что везде, где появлялись иудеи, появлялись деньги и процветали ремесла и торговля. Таким образом, перед глазами Иакова стоит человек, заявляющий: "Вот, есть новый город, в котором открываются отличные возможности для торговли. Отправлюсь-ка я туда, начну там на выгодных условиях, поторгую там годик-другой, составлю себе состояние и вернусь назад богатым". На это Иаков отвечает, что никто из людей не имеет права строить самодовольные планы на будущее, потому что он даже не знает, что принесет ему день грядущий. Человек предполагает, а Бог располагает.

Сознание абсолютной неуверенности в будущем было прежде присуще всем народам. Иудейский мудрец писал: "Не хвались завтрашним днем; потому что не знаешь, что родит тот день" (*Прит. 27,1*). Иисус рассказал притчу о богатом, но неумном человеке, составившем себе состояние и строившем планы на будущее, забыв о том, что душу у него Бог может потребовать в ту же ночь (*Лук. 12,16-21*). Иисус, сын Сирахов, писал: "иной делается богатым от осмотрительности и бережливости своей, и это часть награды его, когда он скажет: "я нашел покой, и теперь наслаждаюсь моими благами". И не знает он, сколько пройдет времени до того, когда он оставит их другим и умрет" (*Сир. 11,16-18*).

А древнеримский философ Сенека сказал: "Глупо человеку составлять планы на жизнь, когда он даже не может сам решить, что будет завтра", и еще: "Ни у кого нет таких богатых друзей, чтобы он мог обещать себе завтрашний день". У иудейских раввинов была на этот счет такая поговорка: "Не заботься о завтрашнем дне, потому что не можешь знать, что принесет день грядущий. Может быть ты вовсе не увидишь завтрашнего дня". Рассказывают, что шотландский писатель и драматург Бэри в пожилом возрасте никогда не планировал на несколько дней вперед. "Сразу, немедленно", - говорил он всегда.

Но, продолжает Иаков, такая неуверенность не должна вызывать ни страха, ни бездеятельности, мы просто должны хорошо помнить, что полностью зависим от Бога. Разумный человек всегда строит свои планы с учетом этой зависимости. Павел писал Коринфянам: "Я скоро приду к вам, если угодно будет Господу (*1 Кор. 4,19*). Надеюсь пробывать у вас несколько времени, если Господь позволит" (*1 Кор. 16,7*).

Древнегреческий писатель и историк Ксенофонт писал: "Пусть все это будет так, если боги так желают. Если кого-то удивит выражение: "если богам так угодно", я скажу ему, что если бы он познал опасности жизни, он не стал бы так удивляться". Древнегреческий философ Платон передает такой разговор философа Сократа с афинским военачальником Алкивиадом. Алкивиад: "Я сделаю так, если ты так хочешь, Сократ". Сократ: "Алкивиад, так не говорят". "А как надо говорить?" "Ты должен говорить вот так: "Если Богу так угодно будет". Средневековый церковный писатель Минуций Феликс писал: "Бог дал, - простой человек

интуитивно говорит так". Арабы всегда говорят: "Если аллаху будет угодно". Странно, но складывается впечатление, что иудеи не знали этой истины. В ее познании им надлежало потрудиться.

Истинный христианин не должен страшиться неуверенности в завтрашнем дне или впадать из-за этого в бездействие. Ему следовало бы вручить свое будущее и свои планы в руки Божьей, помня, что его собственные планы могут отличаться от предназначений Божиих. Человек, забывший об этом, грешит в надменности. В греческом это слово *алацонейя*, которым первоначально характеризовали бродячего знахаря-шарлатана. Он предлагал лекарства, которые не излечивали, и хвастался вещами, которые вовсе не мог делать. Будущее находится не в руках людей и человек не может самонадеянно утверждать, что он может определять его.

И Иаков заканчивает предупреждением: кто продолжает делать зло, зная об этом, грешит. Иаков, собственно, говорит: "Я предупредил вас. Я открыл вам глаза на истину". Пытаться сейчас самодовольно планировать свою будущую жизнь - это грех для человека, которому уже напомнили, что будущее находится в руках Бога.

Глава 5

1-3

Бесполезность богатства (Иак. 5,1-3)

В первых шести стихах этой главы Иаков преследует две цели: показать, во-первых, бесполезность всякого материального богатства, и, во-вторых, отвратительный характер людей, обладающих им. Иаков надеется удержать своих читателей от того, чтобы они связывали с богатством свои надежды и желания.

Если бы вы знали, говорит он богатым, какие ужасы и бедствия ожидают вас в день Божьего суда, вы стали бы плакать и рыдать. Выразительность картины усиливает употребленный Иаковым звукоподражательный глагол *ололудзейн*, переведенный в Библии как *рыдайте*, значение которого выводится из самого его звучания. Он означает нечто большее чем рыдания, он означает *пронзительный крик*, а в Библии этот глагол переводится часто как *выть*. С помощью этого слова описывается безумный ужас тех, на кого пало осуждение Божие (Ис. 13,6; 14,31; 15,2,3; 16,7; 23,1,14; 65,14; Ам. 8,3).

Все другие слова этого отрывка яркие, живописны и тщательно подобраны. На востоке было три источника богатств, и Иаков описывает гибельность каждого из них.

Во-первых - зерно и злаки, которые сгниют (*сепейн*).

Во-вторых - одежды. На востоке одежды свидетельствовали о богатстве. Иосиф дал каждому из братьев перемену одежды (*Быт. 45,22*). Ради Сennaарской одежды Ахан навлек несчастье на народ свой и смерть на себя и свою семью (*Иис. Н. 7,20-26*). Самсон обещал в награду тому, кто разгадает его загадку перемену одежды (*Суд. 14,12*). Неeman принес пророку израильскому в подарок одежды, ради которых Гиезий навлек грех на свою душу (*4 Цар. 5,5-27*). Павел заявлял, что он не пожелал ни от кого ни серебра, ни золота, ни одежд (*Деян. 20,33*). И эти прекрасные одежды поест моль (*сетобратос*, ср. *Мат. 6,19*).

В-третьих, даже золото и серебро богачей покроет ржа (*капиасфай*). Дело в том, что золото и серебро в действительности не ржавеют, но Иаков очень наглядно предостерегает людей: даже самые ценные и на внешний вид долговечные вещи должны погибнуть.

Эта ржавчина - доказательство недолговечности и конечной никчемности земного, более того, она - страшное предостережение. Жажда обретения богатства - это ржавчина, разъедающая души людей и тела их. Иаков заканчивает мрачным сарказмом - вот сокровища, которые вы собрали себе на последние дни: вам останется лишь все пожирающий огонь,

который уничтожит вас.

Иаков уверен в том, что посвятивший себя собиранию богатства, не просто создает воздушные замки, а навлекает на себя гибель.

Социальные бедствия в Библии (Иак. 5,1-3 (продолжение))

Даже при самом беглом чтении Библии бросается в глаза общественный пафос, которым пронизаны ее страницы. Ни в одной другой книге бесчестно нажитое и служащее удовлетворению эгоистических интересов богатство не осуждается с таким страстным пылом, как в Библии.

Книгу пророка Амоса называли "Крик социальной несправедливости". Амос осуждает тех, кто "насилием и грабежом собирает сокровища в чертоги свои" (*Ам. 3,10*), кто попирает бедного и берет себе подарки хлебом, а себе строит дома из тесаных камней и разводит прекрасные виноградники, но которыми насладиться им не позволит гнев Божий (*Ам. 5,11*). Он осуждает и проклинает тех, кто недовешивает и обмеривает, кто покупает неимущих за серебро и бедных за пару башмаков и продает им высевки из хлеба. "По истине во веки не забуду ни одного из дел их", клялся Господь (*Ам. 8,4-7*).

Исаия предостерегает тех, кто создает себе состояние, прибавляя дом к дому, присоединяя поле к полю (*Ис. 5,8*). Мудрец утверждает, что надеющийся на богатство свое упадет (*Прит. 11,28*). Лука приводит слова Иисуса: "Горе вам, богатые!" (*Лук. 6,24*). Трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие (*Лук. 18,24*). Богатство это соблазн и ловушка: богатые впадают в безрассудные и вредные пороки, навлекающие на них бедствие и пагубу, ибо корень всех зол есть сребролюбие (*1 Тим. 6,9.10*).

Эта же тема звучит в иудейской литературе в эпохе между Ветхим и Новым Заветами. "Горе, приобретающим серебро и золото неправдою... Они будут уничтожены вместе с их богатствами и в стыде будут души их повергнуты в печи огненные" (*Енох 97,8*). В книге Премудрости Соломона есть страшный отрывок, где мудрец описывает от имени богатых их жизнь в сравнении с жизнью праведных:

"Будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностью;

преисполнимся дорогим вином и благовониями, и да не пройдет мимо нас весенний цвет жизни;

увенчаемся цветами роз прежде, нежели они увяли;

никто из нас не лишай себя участия в нашем наслаждении;

везде оставим следы веселья, ибо это наша доля и наш жребий.

Будем притеснять бедняка-праведника, не пощадим вдовы и не постыдимся многолетних седин старца...

Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, укоряет нас в грехах против закона и поносит нас за грехи нашего воспитания"

(Прем. 2,6-12).

Остается загадкой, как и почему на христианскую религию стали смотреть как на "опиум для народа" или сводить ее к потустороннему. Нет в мировой литературе другой книги, в которой бы с такой страстью говорилось о социальной несправедливости, как в Библии. В ней не осуждается богатство как таковое, но ни в какой другой книге не подчеркиваются так сильно связанные с ним ответственность и опасности, подстерегающие человека, утопающего в материальных благах.

Жизнь себялюбца и ее конец (Иак. 5,4-6)

Иаков осуждает богача-эгоиста и предупреждает его об ожидающем его конце.

1. Богач-эгоист получил свое богатство несправедливыми путями. "Трудящийся же достоин награды своей", неоднократно повторяется в Библии (*Лук. 10,7; 1 Тим. 5,18*). Поденный работник в Палестине постоянно жил на грани голодной смерти. Получаемая им за работу плата была очень мала; он не имел возможности сделать какие-либо сбережения, и если ему даже на один день задерживали выплату заработанных денег, ему и его семье вообще нечего было есть. Вот почему милосердный закон Священного Писания снова и снова настаивает на незамедлительной выплате платы наемному работнику. "Не обижай наемника, бедного и нищего... В тот же день отдай плату его, чтобы солнце не зашло прежде того, ибо он беден и ждет ее душа его; чтоб он не возопил на тебя к Господу, и не было на тебе греха" - (*Втор. 24,14,15*). "Плата наемнику не должна оставаться у тебя до утра" (*Лев. 19,13*). "Не говори другу твоему: "пойди и приди опять, и завтра я дам", когда ты имеешь при себе" (*Прит. 3,28*). "Горе тому, кто строит дом свой неправдою и горницы свои - беззаконием, кто заставляет ближнего своего работать даром и не отдает ему платы его" (*Иер. 22,13*). "Тех, которые удерживают плату у наемника", осуждает Бог (*Мал. 3,5*). "Плата наемника, который будет работать у тебя, да не переночует у тебя, а отдавай ее тотчас" (*Тов. 4,14*).

Библейский закон - это как хартия трудящегося человека. Беспокойство по поводу трудящегося звучит и в Моисеевом законе, и в словах пророков и мудрецов сказано, что вопли поденщиков-жнецов достигли слуха Господа Саваофа. Библия учит, что Господь вселенной заботится о правах трудового человека.

2. Богачи-себялюбцы употребили богатство в чисто эгоистических целях: они роскошествовали и наслаждались. В греческом тексте употреблено слово *труфейн*, переведенное в Библии как *роскошествовали*. Греческое слово восходит к корню со значением *ухудшаться, разрушаться* и само означает роскошную жизнь, которая в конце концов истощает человека и разрушает его нравственную основу. Другое слово, переведенное как *наслаждались*, в греческом *спаталан* намного хуже: оно означает жить в похоти и распутстве. Богачи-эгоисты осуждаются за то, что они употребили свое богатство для удовлетворения своей страсти к роскоши и своей похоти, забыв свой долг по отношению к соплеменникам.

3. Но каждый человек, выбравший этот путь, выбрал и то, что стоит в конце его. Специально откормленный скот забивают для устройства пира, а те, которые выбрали жизнь в роскоши и наслаждениях, подобны людям, откормившим себя для Судного дня. Их наслаждения приведут к страданиям, их роскошь - к смерти. Себялюбие всегда приводит к гибели души.

4. Богачи-эгоисты убили праведника, который не противился им. Непонятно, кого здесь имеет в виду Иаков. Может быть, он имеет в виду Иисуса. "Вы от Святого и Праведного отреклись, и просили даровать вам человека убийцу" (*Деян. 3,14*). Стефан обвиняет иудеев в том, что они всегда убивали глашатаев Божиих, даже еще до пришествия Праведника (*Деян. 7,52*). Павел говорил, что Бог избрал его, чтобы он познал волю Его и увидел Праведника и услышал глас из уст Его (*Деян. 22,14*). Петр говорил, что Иисус пострадал за наши грехи, праведник за неправедных (*1 Пет. 3,18*). Страдавший слуга Божий не оказал никакого сопротивления, "он не открывал уст Своих, и как овца, веден был Он на заклание, и, как агнец пред стригущими его, безгласен" (*Ис. 53,7*) - это отрывок, который приводит Петр в своем описании Христа (*1 Пет. 2,23*). Иаков наверное желает этим сказать, что, подавляя и притесняя бедного и праведного, богач-себялюбец вновь распинает Христа. Каждая рана, которую богач-себялюбец причиняет людям Христовым - это рана, причиняемая Христу.

Может быть, говоря о праведном, Иаков не имеет в виду конкретно Христа, а думает об инстинктивной ненависти, которую порочный человек чувствует по отношению к

праведнику. Мы уже приводили отрывок из книги Премудрости Соломона, в котором описано поведение богачей. Этот отрывок звучит дальше так:

"Он (праведник) объявляет себя имеющим познание о Боге и называет себя сыном Господа; он перед нами - обличение помыслов наших.

Тяжело нам и смотреть на него; ибо жизнь его не похожа на жизнь других, и отличны пути его; он считает нас мерзостью и удаляется от путей наших, как от нечистот, ублажает кончину праведных и тщеславно называет отцом своим Бога.

Увидим, истинны ли слова его, и испытаем, какой будет исход его; ибо если этот праведник есть сын Божий, то Бог защитит его и избавит его от руки врагов.

Испытаем его оскорблением и мучением, дабы узнать смирение его и видеть незлобие его; осудим его на бесчестную смерть, ибо, по словам его, о нем попечение будет"

(Прем. 2,13-20).

Это слова людей, ослепленных пороками.

Алкивиад, друг философа Сократа, был очень талантлив, но вел разгульный и развратный образ жизни, и иногда говаривал Сократу: "Сократ, я ненавижу тебя, потому что каждый раз, когда я вижу тебя, ты показываешь мне какой я сам". Порочный человек всегда готов убить или устранить праведника, потому что он напоминает ему, каков он сам и каким он должен быть.

7-9

В ожидании пришествия Господа (Иак. 5,7-9)

Молодая Церковь жила в ожидании немедленного Второго Пришествия Иисуса Христа, и Иаков призвал людей терпеливо ждать те несколько оставшихся лет. В ожидании урожая крестьянин должен ждать ранних и поздних дождей. В Писании часто говорится о ранних и поздних дождях, потому что они играли чрезвычайно важную роль в жизни и работе палестинского крестьянина (*Втор. 11,4; Иер. 5,24; Иоул. 2,23*). Ранние дожди - это дожди в конце октября и в начале ноября, без которых семена не могли прорасти. Поздние дожди - это дожди в апреле и мае, без которых зерно не могло созреть: крестьянину нужно терпение, чтобы дожждаться, пока природа выполнит свою задачу, а христианину нужно терпение, чтобы дожждаться прихода Христа.

В ожидании этого прихода они должны доказать свою веру; они не должны сетовать друг на друга, чтобы не нарушить заповедь, не судить друг друга (*Мат. 7,1*), ибо, нарушив эту заповедь, они сами будут осуждены. Иаков нисколько не сомневается в скором пришествии Христа. Судия стоит у дверей, говорит он, употребляя фразу, которую употреблял сам Христос (*Мар. 13,29; Мат. 24,33*).

Так уж случилось, что молодая Церковь заблуждалась в своих ожиданиях на этот счет. Пришествие Иисуса Христа не произошло при жизни того поколения. Но интересно обобщить новозаветное учение о Втором Пришествии, чтобы яснее увидеть лежащую в его основе фундаментальную истину.

Прежде всего нужно отметить, что Второе Пришествие обозначается в Новом Завете тремя разными греческими словами.

1. Самое распространенное из них *пароусиа* (*Мат. 24,3.27.37.39; 1 Фес. 2,19; 3,13; 4,15; 5,23; 2 Фес. 2,1; 1 Кор 15,23; 1 Иоан. 2,28; 2 Пет. 1,16; 3,4*). Это слово всегда употребляется для передачи присутствия кого-то или прибытия. Но оно употребляется и в двух других значениях, одно из которых приобрело специфическое, специальное значение: им обозначают вторжение в страну иностранной армии и, совершенно специфически, прибытие царя или правителя в провинцию своей империи. Таким образом, когда это слово употребляется по

отношению к Иисусу, оно значит, что Его Второе Пришествие представляет собой окончательную победу на земле небесного и прибытие Царя, принимающего окончательное покорение и поклонение Своих подданных.

2. Употребляется также слово *епифания* (*Тит. 2,13; 2 Тим. 4,1; 2 Фес. 2,9*). Это слово употребляется в специальных значениях: для обозначения явления Бога тем, кто почитает Его и вступление императора на римский престол. Таким образом, когда это слово употребляется по отношению к Иисусу, оно означает, что Его Второе Пришествие, которое есть явление Бога Своим людям, тем, которые ждут Его прихода и тем, которые относятся к Нему отрицательно.

3. И, наконец, употребляется слово *апокалипсис* (*1 Пет. 1,7,13*). *Апокалипсис* означает *снимать покрывало, раскрывать, обнажать*, а когда оно употребляется по отношению к Иисусу, оно означает, что Его Второе Пришествие представляет собой обнажение силы и славы Божией, нисходящих на людей.

Таким образом, перед нами ряд величественных картин: Второе Пришествие Иисуса есть прибытие Царя, явление Бога Своим людям и восшествие Его на Свой вечный трон, демонстрация Богом Своей небесной славы в полном блеске.

Пришествие царя (Иак. 5,7-9 (продолжение))

Мы можем теперь коротко подытожить новозаветное учение о Втором Пришествии и различные способы его трактовки.

1. Авторам Нового Завета ясно, что никто не знает ни дня, ни часа, когда Христос придет снова. В сущности, эта дата настолько таинственна, что ее не знает даже Сам Христос, а только один Бог (*Мат. 24,36; Мар. 13,32*). Из этого фундаментального факта с совершенной очевидностью вытекает одно: рассуждения людей о времени Второго Пришествия не только бесполезны, но и являются чистым богохульством, потому что человеку не следует пытаться узнать то, что было скрыто от Самого Иисуса Христа и пребывает лишь в Божественном разуме.

2. Новый Завет совершенно определенно говорит одно: это пришествие будет таким же внезапным, как блеск молнии и таким же неожиданным, как приход вора в ночи (*Мат. 24, - 27,37,39; 1 Фес. 5,2; 2 Пет. 3,10*). Люди не могут ждать до какого-то момента, чтобы начать готовиться к Его приходу; мы должны быть всегда готовы к этому.

Таким образом, Новый Завет обязывает людей:

а) Всегда быть настороже и бодрствовать в молитвах (*1 Пет. 4,7*). Люди должны, подобно слугам, господин которых отлучился и не сообщил времени своего возвращения, быть всегда готовыми к этому, будь-то утром, в полдень или вечером (*Мат. 24,36-51*).

б) Не впадать в отчаяние или забывчивость вследствие длительной задержки (*2 Пет. 3,4*). Бог смотрит на все другими глазами, нежели человек: для Него и тысяча лет, как одна стража в ночи. Не смотря на то, что годы идут, это не значит, будто Он изменил или отложил Свой план.

в) Использовать дарованное людям время, чтобы приготовиться к пришествию Царя, они должны быть благоразумны (*1 Пет. 4,7*), утвердить сердца свои во святине перед Богом (*1 Фес. 3,13*), освятиться, по благодати Божией, и телом и духом (*1 Фес. 5,23*), отвергнуть дела тьмы и облечься в оружия света (*Рим. 13,11-14*), потому что время приближается. Люди должны употребить дарованное им время на то, чтобы быть достойными приветствовать пришествие Царя с радостью, а не с чувством стыда.

г) Жить в братстве, ожидая Второе Пришествие. Петр, напоминая людям о Втором Пришествии, призывает их любить друг друга и быть гостеприимными (*1 Пет. 4,8,9*). Павел требует, чтобы люди делали все с любовью, в противном случае их ждет анафема (*маран-*

афа - Господь наш грядет; *1 Кор. 16,14.22*); чтобы *кротость* их была известна всем, ибо Господь близок (*Фил. 4,5*). Греческое слово *епиейкес*, переведенное здесь как *кротость*, передает свойство характера человека больше готового прощать, нежели судить и требовать правосудия. Автор Послания к Евреям требует от читателей внимательного отношения друг к Другу, поощрения любви к добрым делам, потому что приближается день оный (*Евр. 10,24.25*). Авторы Нового Завета убеждены в том, что люди должны наладить личные отношения со своими собратьями в ожидании Второго Пришествия Христа, они требуют, чтобы люди устранили всякие взаимные недоразумения еще до окончания текущего дня, потому что и в эту ночь может придти Христос.

д) Оставаться верными Господу (*1 Иоан. 2,28*). Жить в близости с Ним в повседневной жизни - это, несомненно, наивернейший путь подготовиться к встрече с Ним.

Многое из того, что связывалось со Вторым Пришествием, неразрывно связано с иудейским мироощущением и является частью представления древних иудеев о конце света. Многое из этого вовсе не нужно понимать в буквальном смысле слова. Но в основе всех навеянных тогдашним мировоззрением картин о Втором Пришествии лежит великая истина: этот мир развивается в определенном направлении, у него есть своя цель; далеко впереди этот мир ожидает какое-то божественное событие, к которому движется все творение.

10-11

Торжествующее терпение (Иак. 5,10.11)

Нас всегда успокаивает и утешает, если кто-то другой уже прошел через то, что нам еще предстоит пройти. Иаков напоминает своим читателям, что пророки и люди Божьи никогда не выполнили бы свою работу и не донесли бы людям данную им весть, если бы они не выносили терпеливо все страдания. Он напоминает слова Самого Иисуса, сказавшего, что претерпевший до конца спасется (*Мат. 24,13*).

А потом Иаков приводит в пример Иова, хорошо известного иудеям по чтениям в синагогах. Мы часто говорим о терпении Иова, как это переведено в Библии, но ведь терпение - это слишком пассивное свойство. В некотором смысле Иов вовсе и не был терпеливым. Когда мы читаем его потрясающее драматизмом жизнеописание, мы видим, как возмущало его все, что свалилось на него, как он подвергал сомнению доводы своих так называемых друзей, как страстно мучился он от мысли, что Бог оставил его. Лишь немногие люди произносили такие страстные слова, как он, но важно, что, несмотря на все разрывавшие его сердце сомнения, он никогда не терял веру в Бога. "Вот, Он убивает меня; но я буду надеяться" (*Иов. 13,15*). "Вот, на небесах Свидетель мой, и Заступник мой в вышних" (*Иов. 16,19*). "А я знаю, Искупитель мой жив" (*Иов. 19,25*). Нет, Иов - не безответная покорность: он боролся и вопрошал, а иногда даже бросал вызов, но пламя веры его никогда не угасало.

Охарактеризован же Иов великим новозаветным словом *хупомоне*, передающим не пассивное терпение, а тот прекрасный и доблестный дух, который может стойко выдержать и преодолеть все приливы сомнений, печалей и несчастий, и выйти из них с еще более окрепшей верой. Да, есть вера, которая никогда не жалуется и не задает никаких вопросов. Но та вера, которую терзали и мучили сомнения, и которая победила их - намного сильнее. Такая вера была непреклонной, и она вышла непоколебимой из всех испытаний. Потому "и благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние" (*Иов. 42,12*).

В жизни бывают моменты, когда нам кажется, что Бог забыл о нас, но если мы будем держаться веры, мы увидим в конце, что Бог добр и милостив.

12

Никчемность и ненужность клятв (Иак. 5,12)

Иаков повторяет учение Иисуса, изложенное в Нагорной Проповеди (*Мат. 5,33-37*) и

крайне необходимое в условиях ранней Церкви; при этом Иаков вовсе не имеет в виду бранные слова, а заверения своих слов, своего обещания или сделки клятвой. В древнем мире в отношении клятв существовало две порочных практики.

1. Различали - особенно в иудейском мире - клятвы обязательные и необязательные. Любая клятва, в которой прямо упоминалось имя Бога, считалась совершенно обязательной, а клятва, в которой имя Бога непосредственно не упоминалось, считалось необязательной. Идея заключалась в том, что коль скоро имя Бога прямо упоминалось в клятве, Он начинал принимать активное участие во всем деле. В противном случае Он не принимал участия в действии. И потому нужно было быть мастером, чтобы найти клятву, которая бы не была обязательной, и это обращало в насмешку всю систему клятвенного заверения.

2. Это была эпоха, когда чрезвычайно часто требовали клятвенных заверений, что уже само по себе было плохой практикой, потому что ценность самой клятвы в том и заключается, что к ней прибегают редко. И когда клятвы стали типичным и банальным делом, их перестали по-настоящему ценить. Сама практика многочисленных клятвенных заверений указывала на то, что люди часто лгали и обманывали: ведь честным людям клятвы не нужны, они нужны лишь тогда, когда нет доверия слову.

Об этом древние авторы и моралисты думали так же, как Иисус. Филон Александрийский говорил: "Частые клятвы порождают клятвопреступление и неуважение". Иудейские раввины говорили: "Не привыкай к клятвам и обетам, потому что рано или поздно нарушишь клятву". Ессеи - члены религиозного течения в Иудее во II - I вв до Р. Х. вообще запрещали клясться: они считали, что тот, кому можно поверить только после клятвенного заверения, уже заклеен как ненадежный человек. Великие греки считали, что лучшая гарантия это не клятва, а характер дающего обещание человека, и потому, в идеале, характер его должен быть таким, чтобы никому и в голову не могло прийти потребовать от него клятвы, коль скоро все убеждены в том, что он всегда говорит правду.

Авторы Нового Завета считали, что каждое слово произносится в присутствии Бога, и потому должно быть правдивым, и что христианин должен отличаться такой честностью, чтобы с него вовсе не нужно было брать клятвы. Нет, Новый Завет не осуждает совсем клятву, он осуждает лживость людей, которая привела к этой практике.

13-15

Поющая церковь (Иак. 5,13-15)

В этом отрывке показаны некоторые важнейшие особенности раннехристианской Церкви.

Это была *поющая Церковь*; первые христиане всегда были готовы запеть. В приведенном Павлом описании собраний коринфской церкви пение составляет неотъемлемую часть (*1 Кор. 14,15,26*). Думая о благодати Божией, нисходящей на язычников, Павел вспоминает радостное восклицание псалмопевца: "За то буду славить Тебя, Господи, между иноплемениками и буду петь имени Твоему" (*Рим. 15,9; ср. Пс. 17,50*). Христиане назидают самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, воспевая в сердцах своих Господа (*Еф. 5,19*). Слово Христово вселяется в них, и они учат и вразумляют друг друга псалмами, славословиями и духовными песнями, воспевая во благодати, в сердцах своих Господу (*Кол. 3,16*). В сердцах христиан пребывала радость, изливавшаяся из уст их в славословиях милосердию и благодати Божией.

Языческий же мир был погружен в печаль, усталость и страх. Английский поэт Метью Арнольд так описал в одном стихотворении эту томительную хандру:

На тот суровый языческий мир пали омерзенье

и скрытое отвращение;

Глубокая усталость и пресыщенная похоть

Сделали человеческую жизнь адом.

В прохладном покое, со впалыми глазами,

Римский патриций возлежал.

Он ехал прочь с безумным видом

По Аппиевой дороге.

Он устраивал пир, пил неистово и быстро,

И украшал волосы венком цветов -

Но ни быстрее, не проще не шли

Упрямые часы.

И на фоне этой хандры и скуки христиане радостно пели. На английского писателя Джона Буньяна, автора книги "Путешествие пилигрима", произвел сильное впечатление услышанный им разговор четырех старух сидевших на крылечке: "Мне казалось, что они говорят так, будто их переполняет радость". Когда Вильни осознал чудо искупительной благодати, он сказал: "Это как будто заря вдруг занялась посреди темной ночи". Первый епископ канадской Арктики, Флеминг, передает слова одного охотника-эскимоса: "До того, как пришел ты, дорога наша была темной, и мы были в страхе. Теперь мы не боимся, потому что тьма рассеялась, и везде светло, когда мы идем дорогой Иисуса".

Христианская Церковь всегда была поющей Церковью. В своем письме римскому императору Траяну Плиний Младший, правитель Вифинии во втором веке, писал о новой религиозной секте христиан так: "У них есть обычай собираться вместе в определенный день и до рассвета петь в разных стихах гимны Христу, как Богу". Со времени падения Иерусалима в 70 г. в ортодоксальных иудейских синагогах больше нет музыки, потому что, совершая богослужение, иудеи поминают трагедию; в христианской же Церкви, с самого начала и до сегодняшнего дня звучит музыка славословия, потому что христиане хранят память о беспредельной любви и пребывают в лучах славы.

Исцеляющая церковь (Иак. 5,13-15 (продолжение))

У молодой христианской Церкви была еще одна важная особенность - это была исцеляющая Церковь. Она унаследовала эту особенность от иудаизма. Больной иудей чаще всего шел не к доктору, а к раввину, который помазывал его маслом, названное древнегреческим врачом Галеном "лучшим из всех лекарств", и произносил над ним молитву.

Лишь немногие общины были так преданно внимательны к своим больным, как молодая христианская Церковь. Иустин Мученик говорил во втором веке, что христиане излечили многих одержимых бесами, когда знахари и снадобья оказались бессильными. Епископ лионский Иринеи писал около того же времени, что больных еще в то время исцеляли, возлагая на них руки. Тертуллиан писал в середине третьего века, что никто иной, как римский император Александр Север, был исцелен помазанием от руки христианина по имени Торпоцион. В благодарность за это император оставил Торпоциона гостем в своем замке до самой смерти.

Одна из первых книг, в которых затрагиваются вопросы церковного управления - "Ипполитов канон" - восходит к концу второго, началу третьего столетия; в нем сказано, что людей, обладающих даром исцеления, должно рукополагать в священники, убедившись сначала, что они действительно обладают этим даром и что это действительно дар Божий. В этой же книге приведена прекрасная молитва, которую читали при посвящении в сан местных епископов; в ней есть такие слова: "Даруй ему, о Господи,... силу сокрушать цепи злой силы бесовской, исцелять всех больных, и быстро повергать дьявола к ногам своим". В письмах Климента Александрийского перечислены обязанности диакона, и среди прочего,

правило: "Да ходят диаконы мягко и будут очами епископу... Пусть разыскивают больных плотью и приводят их в главный совет, который ничего не знает об их существовании, чтобы могли навещать их и удовлетворять их нужду". В послании Климента, епископа римского есть такая молитва: "Исцели больных, подними слабого, ободри малодушного". В одном древнем церковном кодексе записано, что в каждой общине должна быть хоть одна вдова, заботящаяся о больных женщинах. Церковь в течение многих веков последовательно прибегала к помазанию для исцеления больных. Особенно важно отметить, что в раннехристианской Церкви таинство помазания в основном применялось как средство исцеления, и не служило подготовке человека к смерти, как это имеет место ныне в католической церкви. Лишь с 852 г. это таинство стало служить подготовке человека к смерти.

Церковь всегда заботилась о больных, в ней всегда пребывал дар исцеления. Социальный аспект Евангелия - это не просто приложение к христианству, а это сущность христианской веры и жизни.

16-18

Молящаяся церковь (Иак. 5,16-18)

В этом отрывке получили отражение три фундаментальные идеи иудаизма.

1. Идея о том, что болезнь есть следствие греха. Иудеи всегда были глубоко убеждены в том, что в основе болезни и страданий лежит грех. "Нет смерти там, где нет вины, - говорили раввины, - и нет страданий там, где нет греха". И потому раввины считали, что прежде чем может наступить исцеление человека, Бог должен простить ему его грехи. Один из раввинов говорил: "Ни один человек не излечится от своей болезни, пока Бог не простит ему всех его грехов". Вот почему Иисус начал исцеление расслабленного словами: "Чадло! прощаются тебе грехи твои" (*Мар. 2,5*). Иудеи всегда отождествляли страдание с грехом. Мы не можем сегодня механически отождествлять их, но одно совершенно справедливо - ни один человек не может быть уверенным в своем здоровье, душевном или физическом, если он нарушил отношения с Богом.

2. Идея о том, что человек должен покаяться в совершенных им грехах публично пред человеком, которому он причинил зло, а также пред Богом, чтобы его покаяние возымело желаемое действие. И, действительно, проще покаяться в своих грехах Богу, чем людям, но ведь согрешая, человек воздвигает преграды между собой и Богом, между собой и своими собратьями; и чтобы устранить ту и другую, нужно исповедаться и Богу и людям.

Такую практику заимствовал Джон Уэсли для своих первых методических классов. Люди собирались два-три раза в неделю "чтобы исповедаться друг другу в своих проступках, и молиться друг за друга, чтобы Бог исцелил их". Однако этот принцип надо проводить в жизнь мудро и осторожно. Могут иметь место такие случаи, когда исповедание пред всеми может принести больше вреда, чем добра. Но там, где человек своим дурным поступком воздвиг преграды, он должен оправдаться и перед Богом и перед своими собратьями.

3. Идея о том, что сила молитвы безгранична. Иудеи говорили, что молящийся человек окружает свой дом стеною более крепкой, чем железная. Они говаривали: "Покаянием можно добиться чего-нибудь - молитвой можно сделать все". Иудеи верили, что в молитве они непосредственно приобщаются силы Божьей; молитва была в их глазах каналом, через который сила и благодать Божья помогают им совладать с трудностями и жизненными проблемами. А ведь христианину еще больше подобает думать так. Английский поэт Альфред Теннисон писал:

Молитвами сделано больше, чем этот мир может предположить.

А потому, пусть голос возносится, подобно фонтану, за меня днем и ночью.

Разве эти мужи, что лелеют слепую жизнь в своем мозгу, не чета овцам и козлам?

Зная Бога, они не вздымают руки в молитве за себя и за тех, кто называет их друзьями?

И так круг земной каждодневно прикован золотой цепью к подножию Божию.

Своими молитвами люди должны призывать на своих собратьев благодать и силу Божию.

В этом отрывке Илия представлен как пример для иллюстрации действенности молитвы. Это прекрасный образец того, как раввины обращались в своих толкованиях со Священным Писанием. Вся история приведена в *3 Цар. 17,18*. Срок в три года и шесть месяцев, о котором сказано также в *Лук. 4,25*, взят из *3 Цар. 18,1*. Но в Ветхом Завете ничего не сказано, о том, что наступление и окончание засухи явилось следствием молитв Илии. Он был всего лишь пророком, возвестившим ее наступление и ее окончание. Но раввины всегда изучали Священное Писание под микроскопом. В *3 Цар. 17,1* читаем: "Жив Господь Бог Израилев, пред Которым я стою! В сии годы не будет ни росы, ни дождя, разве только по моему слову". Ну, а иудеи всегда считали, что молятся они стоя пред Богом, и потому, по мнению раввинов, это было указанием на то, что засуха явилась результатом молитвы Илии. В *3 Цар. 18,42* читаем, что Илия взошел на вершину Кармила и наклонился к земле, положил лице свое между коленами своими. И в этом раввины видели свидетельство страстной мольбы и выводили из всего этого, что именно молитва Илии и вызвала засуху и положила ей конец.

19-20

Истина, которой нужно следовать (Иак. 5,19.20)

Здесь изложена величайшая особенность христианской истины: человек может *уклониться* от нее. Это не только умозрительная, философская и абстрактная истина, это также всегда нравственная истина.

Это отчетливо вытекает из анализа текстов, в которых в Новом Завете употребляется слово истина. Истину надо *любить* (*2 Фес. 2,10*); истине нужно *покориться* (*Гал 5,7*); истину нужно *открывать* в жизни (*2 Кор. 4,2*); об истине нужно свидетельствовать (*Иоан. 18,37*); мы сами узнаем, что *мы от истины* (*1 Иоан. 3,19*), истина *сделает нас свободными* (*Иоан. 8,32*); истина - это *дар Святого Духа* (*Иоан. 16,13.14*).

Яснее всех звучит выражение в *Иоан. 3,21*: *поступающий по правде, то есть христианская правда это то, что нужно исполнять*. Это не только предмет умозрительных поисков, это всегда нравственная истина, проявляющаяся в действиях. Ее нужно не только изучать, ее нужно исполнять, человек должен не только подчиниться ей в уме своем, он должен подчинить ей всю свою жизнь.

Высшее достижение человека (Иак. 5,19.20 (продолжение))

Иаков заканчивает свое послание одной из самых важных и возвышенных в Новом Завете идей, с которой мы встречаемся в Библии не один раз. Если кто-то сошел с пути истинного и заблудился, а брат-христианин освободил его от его ошибок, и наставил его вновь на путь истинный, то он не только спасет душу своего брата, но и искупит множество своих грехов. Другими словами - спасение души ближнего - лучший способ спасти свою душу.

В одной из проповедей Оригена есть замечательное место там где он приводит шесть способов, которыми человек может обрести прощение грехов - крещением, мученичеством, подавая милостыню (*Лук. 11,41*), прощая людям согрешения их (*Мат. 6,14*), любовью (*Лук. 7,47*) и обратив грешника с его порочного пути. Бог простит многое тому, кто вновь обратился к Нему брата своего.

Эта мысль вновь и вновь светит нам со страниц Священного Писания. У пророка Иеремии сказано: "Если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста" (*Пер. 15,19*). У пророка Даниила сказано: "И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде - как звезды, во веки, навсегда" (*Дан. 12,3*). Павел советует юному Тимофею: "Вникай в себя и в учение, занимайся сим постоянно; ибо так поступая, и себя спасешь и

слушающих тебя" (*1 Тим. 4,16*).

А вот отрывок из отцов иудейских: "Тот, кто сделает человека праведным, на том нет греха". Климент Александрийский говорил, что подлинный христианин видит в том, что приносит пользу его соседу, свое спасение. Говорят, одна энтузиастка спросила однажды Уилберфорса, борца против рабства в Америке, о спасении своей души. "Мадам, - ответил Уилберфорс, - я был так занят спасением душ других, что у меня не было времени подумать о своей". Говорят, что тот, кто приносит свет в жизнь других людей, не может избежать его лучей, и, несомненно, тот, кто приводит жизнь других людей к Богу, не может устранить Бога из своей жизни. Величайшую славу Бог дает тем, кто приводит других людей к Богу, ибо такой человек в прямом смысле слова принимает участие в работе Иисуса Христа, Спасителя нашего.